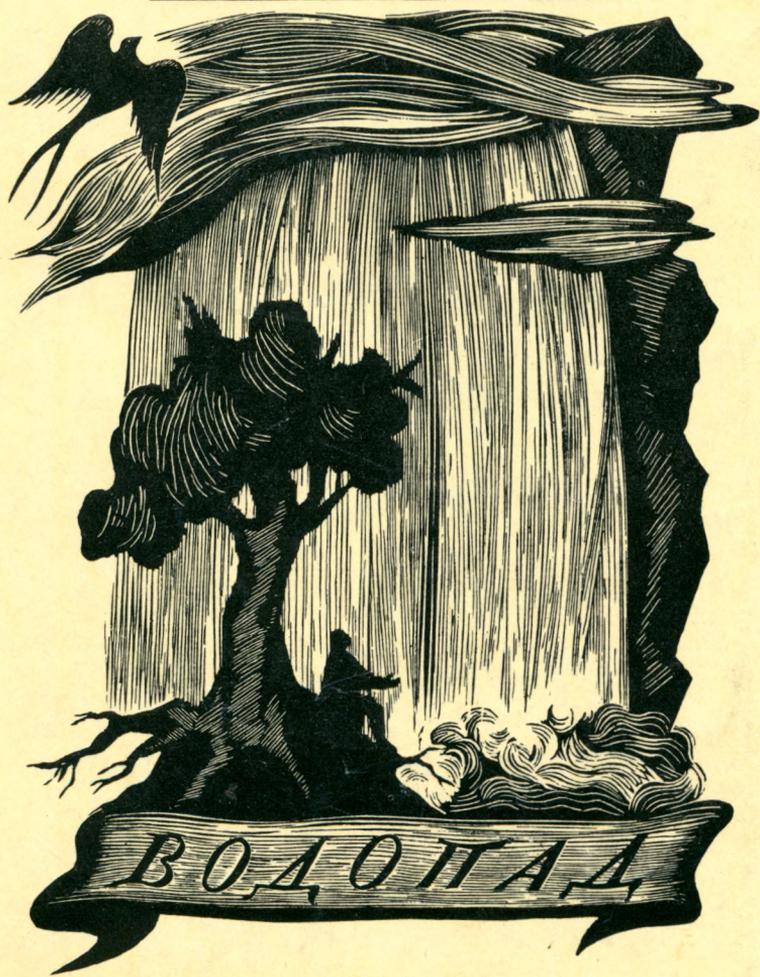

Г.Р.ДЕРЖАВИН

Д

Школьная библиотека

Г. Р. ДЕРЖАВИН

ВОДОПАД

ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ

МОСКВА
«Детская литература»
1977

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Составление, предисловие и примечания
К. П. Орешина

Гравюры на дереве
Н. Побединской

Державин Г. Р.

Д36 Водопад. Избранные стихотворения. Изд. 4-е.
Сост., предисл. и прим. К. П. Орешина. Грав. на
дер. Н. Побединской. М., «Дет. лит.», 1977.

144 с. с ил. (Школьная б-ка).

20 (8) июля 1816 года скончался Гаврила Романович Державин, крупнейший поэт своего времени, предшественник великого Пушкина. Более 160 лет прошло с тех пор, а многие стихи Державина волнуют нас и сейчас. В настоящий сборник отобраны стихи, понятные школьникам среднего и старшего возраста.

Д $\frac{70803-060}{M101(03)77}$ 139—77 доп. тираж

Р1

ДЕРЖАВИН И ЕГО ВРЕМЯ

Дворцовые перевороты совершаются без участия народа. Так было и в 1762 году. К заговору офицеров-гвардейцев, недовольных правлением Петра Третьего, присоединились две молодые женщины: супруга императора и ее восторженная приверженка княгиня Дашкова. Все события, связанные со сменой власти в России, произошли в пределах Санкт-Петербурга. Утром 28 июня по старому стилю будущая императрица посетила Измайловские казармы, подняла солдат и направилась в Семеновский полк, заранее подготовленный к выступлению. По Невскому проспекту воинские части подошли к Казанскому собору, перед которым выстроились конногвардейцы и мушкетеры Преображенского полка.

- Долой Петра Третьего! — кричали преображенцы.
- Не станем воевать за его Гольштинию!
- В датский поход идти не желаем!
- Офицерам-гольштинцам не подчиняемся!

Недовольство имело серьезные причины. Только что отгремела Семилетняя война, в ходе которой был взят Берлин и потерпела поражение армия Фридриха Второго, а Петр Третий, не просидев на троне и года, пошел на уступки прусскому королю, окружил себя офицерами из гольштинцев и уже готовил поход за интересы Германии.

Молодая царица руку над взволнованными рядами простерла и будто масла в огонь плеснула:

- Снимайте мундиры прусские, носите русские!

Что тут со старыми служаками сделалось! Недаром в их сундучках бережно хранились темно-зеленые мундиры, введенные Петром Первым, о котором из уст в уста передавались легенды.

— Теперь и прусской муштре конец! — слышались голоса.

— Да здравствует матушка государыня!

К пехоте и конногвардейцам примкнули подоспевшие артиллеристы; все вместе двинулись к Зимнему дворцу. Ошеломленные неожиданностью переворота, сановники сената и синода наспех составили манифест, нарекли новую императрицу Екатериной Второй, и войска были приведены к присяге.

Императрица и ее неразлучная подруга княгиня Дашкова переоделись в офицерские мундиры, сели на боевых коней, обнажили шпаги.

— Вперед, на штурм Петергофа!

Но сражения с малочисленными защитниками царской резиденции не произошло. При первом известии о приближении гвардейских частей Петр Третий понял всю бесполезность сопротивления и отрекся.

В водоворот этих событий, за которыми последовало тридцатичетырехлетнее правление Екатерины Второй, был вовлечен и безвестный в ту пору мушкетер Преображенского полка Гаврила Романович Державин. Он тоже кричал «ура» новоявленной государыне, подбрасывал вверх свою треуголку и любовался горделивой осанкой княгини Дашковой, но лично ему никаких изменений к лучшему переворот не принес. Изменился покрой мундира, а царская служба осталась нелегкой по-прежнему.

Единственную настоящую радость доставляло Державину доверие солдат, которые уважали однополчанина за честность, прямоту и отвагу. Среди них почти вовсе не было грамотных, а Державин охотно читал полученные ими вести из деревень, писал ответные послания со множеством поклонов родным и знакомым, помогал разумным товарищеским советом.

Этот широкоплечий, всегда подтянутый строевик с понятливым, но не назойливым взглядом светлых глаз отменно знал солдатскую службу. Однажды он едва не замерз на ледяном январском ветру, но поста не покинул, дождался смены. Жил он в те годы, с хлеба на квас перебиваясь. Отец его, небогатый казанский помещик из самых захудалых, хотя и умер полковником в отставке, но ничего, кроме долгов, семье не оставил, и вдова воспитывала детей на медные деньги. К выходцам из таких семей родовитая гвардейская знать относилась пренебрежительно. Начав службу с

рядового солдата, Державин дольше других дождался очередного повышения.

Однажды командир направил его с бумагами на квартиру к офицеру Козловскому, а у того друзья собрались и слушали, как офицер, человек роду княжеского, читал им свое произведение — пьесу в стихах. Вручил Державин казенные бумаги и остановился у двери, стихи послушать хотел. Князь Козловский обернулся к нему, чтение прервал:

— Что ты, братец, зеваешь? Ступай себе вон. Ведь ты все равно ничего не смыслишь.

Выпрямился солдат, повернулся, щелкнув каблуками, как по форме положено, и вышел. А когда возвратился в казарму, еще в помещение войти не успел, через двор услышал: песню его, им самим написанную песню, солдаты поют. Да как поют-то! Лихо, с присвистом молодецким, с притопом, аж стекла в низеньких окошках гремят! «Нет, господин Козловский,— усмехнулся двадцатилетний гвардеец,— в стихах я, пожалуй, кое-что смыслю!»

Но серьезного значения ранним своим стихам Державин не придавал. Писались они в свободное от дежурства время в тесной казарме, ночью, при свете луны или свечного огарка. Да и что это были за стихи? Сослуживцам запомнилось, что сочинил их товарищ похвальную песенку солдатской дочери Наташе, жившей с семьею неподалеку, да brave куплеты о каждом из гвардейских полков, мгновенно подхваченные солдатами. Конечно, и для таких сочинений требовалась немалая по тем временам грамотность, любовь к родному русскому слову.

С каким запасом знаний прибыл в полк молодой Державин? После домашней подготовки, весьма поверхностной, он был отдан в казанскую гимназию, где считался одним из лучших учеников. И хотя дворянских детей обучали прежде всего фехтованию, музыке и танцам, Державин вполне основательно овладел и русской грамматикой и немецким языком, что позволило ему читать произведения иностранных писателей в подлинниках и в переводах, сделанных не только в России, но и в Германии. Гимназия познакомила юношу и с правилами русского стихосложения, установленными Михаилом Васильевичем Ломоносовым.

Ломоносов! Вот кто стал для Державина подлинным образцом стихотворца! Служа в Преображенском полку, молодой поэт пробовал создавать оды, подобные ломоносовским, но следовать поэтическим правилам Ломоносова было

не так-то просто: в возвышенный слог произведения, посвященного торжественному событию или коронованной особе, у Державина то и дело врывались разговорные словечки солдатского обихода, и требуемый для оды «высокий стиль» распадался. Лишь очень немногое из первых своих стихов поэт сохранил в памяти и позже частично восстановил.

* * *

Не безмятежным оказалось правление новой императрицы. Возведенная на престол дворянской гвардией, Екатерина Вторая заботилась только об интересах помещиков. По всей России вспыхивали восстания крепостных крестьян, возмущенных самоуправством господ, а летом 1773 года началась Крестьянская война, возглавленная Емельяном Ивановичем Пугачевым. История не знавала столь мощного движения обездоленных, поднявшихся на борьбу со своими угнетателями. К уральским казакам и русскому крестьянству Поволжья примкнули поработанные царизмом башкиры, мордва, татары, чуваша, марийцы, калмыки. Пугачевцы захватили степные станицы и заводы Урала, сожгли Казань, заняли города Самару, Саранск, Пензу, Саратов. Не довелось бессмертному Емельяну осуществить задуманный поход на Москву: черная измена богатых казаков довершила разгром повстанцев. Но грозная буря 1773—1775 годов оставила глубочайший след в русской общественной жизни.

Дыхание этой бури ощутил и Гаврила Романович Державин. Произведенный к этому времени в офицеры, он, желая отличиться, отправился на подавление пугачевского восстания.

Через полвека, работая над повестью «Капитанская дочка», Александр Сергеевич Пушкин тщательно изучил исторические материалы, относящиеся к молодому Державину. Возможно, что именно державинские черты характера — честность, храбрость и откровенность — нашли свое отражение в образе Петра Гринева; только задушевных бесед у Державина с Пугачевым не было, а встреча с вождем повстанцев носила далеко не мирный характер. 4 августа 1774 года Державин выехал с конной сотней из Саратова в недалекий Петровск, полагая, что город еще не занят. Но разведчики войска народного, уже находившегося в

Петровске, не дремали. Сам Пугачев пожелал принять участие в ловле екатерининского офицера, и уж тут «его благородию» пришлось попроворней уносить ноги. Несколько верст преследовал его в чистом поле чернобородый великан с занесенным копьем в руке. С поредевшим отрядом поручик возвратился в Саратов и, конечно, не позабыл о лишней мере овса для своего породистого белого рысака. А гнедую кобылку офицерского денщика кормили в тот вечер пугачевцы...

Видя повсеместную тягу крестьян к своему вождю и заступнику — Пугачеву, вникая в трагические условия их каждодневного быта, Державин, быть может, впервые в жизни по-настоящему глубоко задумался. Здесь, на Волге, он воочию заглянул в беспросветную бездну людского горя. Продолжительное общение с крестьянами привело Державина к выводам, которыми он, со свойственной ему прямо-той, поделился в письме на имя казанского губернатора:

«Должно прекратить чудовищное ограбление или, выражаясь определеннее, постоянные денежные поборы, отнимающие у людей последние силы... Насколько я замечаю, эти поборы вызывают сильнейший ропот, ибо простых людей грабит всякий, кто хоть сколько-нибудь соприкасается с ними».

Помимо этих строк, написанных из предосторожности по-немецки, Державин оставил ряд документов, красноречиво говорящих о том, как значительно было для него пережитое в те грозные годы. Гвардии офицер все чаще уступал в его душе место поэту. Строже, отчетливее стал слог его стиха, углубилась озабоченность судьбами родимой земли, непримиримее стало отношение ко всякому беззаконию и чиновному произволу. Воспитанный в обычаях и нравах дворянства, Державин не видел великой исторической правды в Крестьянской войне, казавшейся ему бесцельным разрушительным бунтом. Пройдет много лет, и неизвестный почитатель его поэтического таланта пришлет Державину книгу своего сочинения «Путешествие из Петербурга в Москву», но и этот подарок не приблизит поэта к революционному мировоззрению, основоположником которого стал в России Александр Николаевич Радищев.

Поэт никогда не изменял своим монархическим убеждениям, но уже в годы борьбы с Пугачевым у Державина сложилось свое мнение о язвах и пороках тогдашнего строя. Но, видя барский произвол и беззакония, он никогда не

доходил до мыслей о пользе серьезных перемен и все надежды возлагал на просвещенную монархию. В своей «Оде на день рождения ее величества, сочиненной во время войны и бунта 1774 года», Державин призывал Екатерину Вторую быть милосердной к восставшим. Если императрица будет править кротко и справедливо, писал поэт,

Тогда ни вран на трупѣ жить,
Ни волки течь к телам стадами
Не будут, насыщаясь нами,
За снѣдь царей благодарить;
Не будут жатвы поплененны,
Не будут села поपालенны,
Не прѣблет Пугачев кровей...

* * *

Возвратясь из Поволжья в Санкт-Петербург, Державин вышел в отставку с гражданским чином коллежского советника и вскоре поступил на службу в департамент сената. Деятельный характер и природная одаренность Гаврилы Романовича не замедлили проявиться на новом поприще. Через несколько лет он уже действительный статский советник, что соответствовало военному званию генерала, а в 1784 году — правитель Олонецкой губернии. Русский Север не видывал столь необычного губернатора, который мог оседлать коня и лесной глухоманью, бездорожную тундрой добираться до самых отдаленных поселков, чтобы вскрыть злоупотребления местного начальства, облегчить налоговое бремя крестьян, схватить за руку чиновника-лихоимца. По Онежскому озеру, по грозному в непогоду Белому морю губернатор бесстрашно отправлялся в путь на рыбацкой лодке, помогая гребцам в часы опасности. В одну из своих поездок Гаврила Романович посетил Кончезерский завод на реке Суне и навсегда запомнил окрестные берега, грохот вод, ниспадающих с высоты. Через несколько лет поэт воскресил эти воспоминания в оде «Водопад», названной Александром Сергеевичем Пушкиным «лучшим произведением Державина».

Порой возмужания державинского таланта следует считать конец семидесятых годов, когда в столичной печати появились первые оды, отмеченные зрелостью мастерства, глубиной мысли и чувства. Заслуженную оценку они получили не сразу. Гаврила Романович не предполагал, что

одна из его од, написанных в манере простой и непринужденной, привлечет всеобщее внимание к ее автору. Название оды — «Фелица» — поэт позаимствовал из нравоучительного произведения Екатерины Второй «Сказка о царевиче Хлоре». Под его пером фантастическая «царевна киргизкайсаккия орды» превратилась в идеал просвещенной правительницы, матери народа, которую он хотел бы видеть в лице императрицы. Успех оды был делом случая. Близкие друзья Державина выпросили у поэта рукопись, сняли несколько копий и распространили в читающем обществе. Людям неглупым, открытым ода нравилась; у придворных ханжей она вызывала возмущение. Обсуждалась «Фелица» и в стенах Академии наук.

— Помилуйте! — ужаснулся один из ученых мужей. — Автор берется поучать саму государыню!

— Да это просто крамола! — поднял брови другой — видный вельможа, чьих научных трудов никто не видел.

— А мне стихи решительно нравятся, — возразила Екатерина Романовна Дашкова, давняя подруга императрицы, ставшая президентом академии.

Женщина образованная и начитанная, княгиня Екатерина Романовна поняла и по достоинству оценила сатирическую направленность оды.

— Нет, вы только послушайте, что он тут пишет! — воскликнула княгиня, развернув рукопись:

А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью;
Преображая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою...

— Сущую правду изволили заметить, — льстиво согласился вельможа, узревший в стихах «крамолу». — Автор и себя порицает, от первого лица, так сказать...

— Как сказать, — последовало в ответ. — По-моему, здесь речь идет не о ком другом, как о светлейшем князе Потемкине. Да это же его портрет, вылитый!

Потемкина Екатерина Романовна недолюбливала.

Опешив от такой неслыханной дерзости стихотворца, вельможа развел руками.

— А кто же тогда «мурза», «лентяй» и «брюзга», о коих в оде упоминается? — спросил он в полной растерянности.

Княгиня лукаво улыбнулась и заговорщически приблизила лицо к напудренному парику царедворца.

— Вы хорошенько посмотрите вокруг себя — нет ли кого похожего?..

В 1783 году ода «Фелица» была напечатана в основанном княгиней Дашковой журнале «Собеседник любителей российского слова». Ода получила «высочайшее одобрение», и перед Державиным открылась дорога литературной и политической деятельности во имя интересов дворянской империи.

Разумеется, встречались и на этой дороге трудности, но то были трудности не безвестного солдата или чиновника, а олонецкого, тамбовского губернатора, затем — государственного секретаря и министра юстиции. «Будь на троне человек!» — призывал Державин царей, и к чести поэта следует сказать, что сам он искренне стремился остаться человеком на высоких постах, которые занимал. А это было в его эпоху наиболее трудным. Быть человеком означало для Державина «змеей пред троном не сгибаться, стоять — и правду говорить»; быть человеком означало для него уважать человеческое достоинство в каждом, чья судьба зависела от решений государственного сановника.

Когда в сенате рассматривалось дело польских патриотов, обвиненных в заговоре против царизма, Державин обратился к директору Тайной канцелярии с вопросом:

— Виноваты ли были Пожарский, Минин и Палицын, что они, желая избавить Россию от рабства польского, учредили между собою союз и свергли с себя иностранное иго?

Российский обер-палач окинул поэта настороженным взглядом.

— Нет, — сухо ответил он. — Они не только не виноваты, но всякой похвалы достойны.

— Почему же, — с жаром атаковал его Гаврила Романович, — почему же так строго обвиняются сии несчастные, что они имели некоторые между собою разговоры о спасении от нашего владения своего отечества?

Это столкновение имело неприятные последствия для Державина, но участь польских патриотов была облегчена.

Укрытие от бурь, связанных с неприятностями на службе, Державин обретал в уединенных радостях личной жизни. Гаврила Романович счастливо женился, отстроил себе особняк на Фонтанке, а когда — к великому горю своему — овдовел, через некоторое время женился вторично — и снова счастливо. Купил заброшенное имение «Званка» в живописнейшей местности на берегу Волхова. Пошучивал:

Здесь царство комарьс,
Царица в нем Дарья.

Это о второй супруге своей Дарье Александровне, женщине домовитой, хлопотунье, красавице писаной, воспетой им в стихах под именем Милены. Поэзия Державина расцвела. Он пишет послания к своим друзьям и врагам, бичует произвол и беззаконие знати, создает обаятельнейшие портреты российских граций. В его стихах на философские темы обнаруживается неизбежная для того времени дань религии.

Более всего вдохновляли Державина блестящие победы и слава русского оружия. С волнением сердца следя за событиями русско-турецкой войны 1787—1791 годов, он воспел штурм Очакова и взятие Измаила — героические подвиги суворовских пехотинцев, сражавшихся в тесном взаимодействии с матросами адмирала Ушакова. Пламенной одой откликнулся Державин на беспрецедентный переход русских войск через Альпийские горы. В стремительном движении запечатлен в этой оде образ неукротимого «северного орла» — великого русского полководца Александра Васильевича Суворова. Теме военно-патриотической поэт оставался верен всю свою жизнь, и дороги были для него дружеские встречи с Суворовым, лестно было получить благодарственное письмо за подписью князя Кутузова-Смоленского.

Крепко помнил Гаврила Романович и о друзьях молодости, товарищах по казарме, простых крепостных крестьянах, служба которых в армии была пожизненной. Среди многих современных ему одописцев Державин оказался единственным, в чьих стихах были горячо воспеты «русски храбрые солдаты, в свете первые бойцы».

Читая Державина, мы убеждаемся в том, что русская поэзия уже у самых своих истоков была поэзией жизнеутверждающей, прочно связанной с заботами своего времени. Ее художественная образность под стать размаху русских просторов, огромности исторических потрясений, пережитых Россией. «Алмазной горою» предстает в стихах Державина водопад, «в тяжелой колеснице грома» надвигается мощная гроза, извержению вулкана подобна неотразимая атака суворовских войск.

Унаследовав от Ломоносова гражданский пафос и широту поэтического кругозора, Державин обогатил оду сочетанием возвышенного слога с лирикой и сатирой, ввел в поэзию сельский и городской пейзаж, а прекрасное сумел увидеть в обыденном.

Вокруг вся область почивала,
Петрополь с башнями дремал,
Нева из урны чуть мелькала,
Чуть Бельт в брегах своих сверкал...

В этих строках «Видения мурзы» взгляд русского поэта впервые окинул город, позже воспетый Пушкиным на страницах «Медного всадника». И многое довелось Державину сделать достоянием русского стиха впервые. Только восемь строк в стихотворении «Портрет Варюши», но образ девушки возникает перед глазами, как «милая заря весення», как «тихий свет и огонь живой». А ведь это едва ли не самый ранний девичий образ в отечественной литературе, которая порадовала читателей знакомством и с пушкинской Татьяной, и с Наташей в «Войне и мире» Толстого!

Вот стихотворение, состоящее всего из двух строк:

Старинный слог его достоинств не умалит.
Порок, не подходи! Сей взор тебя ужалит.

Эти выразительные, скупно отобранные слова воссоздают перед нами одухотворенные черты первого русского сатирика Антиоха Дмитриевича Кантемира, но это и один из первых реалистических портретов, созданных русским стихотворцем.

Есть в поэтическом арсенале Державина и едкая насмешка над раздувшимися от спеси вельможами, и бойкие ритмы «Камаринской», бьющей по «горе-богатырю» Наполеону, возомнившему себя «исполином».

«Заметно, однако же,—писал о Державине Николай Васильевич Гоголь,—что постоянным предметом его мыслей, более всего его занимавшим, было — начертать образ какого-то крепкого мужа, закаленного в деле жизни, готового на битву не с одним каким-нибудь временем, но со всеми веками; изобразить его таким, каким он должен был возникнуть из крепких начал нашей русской породы».

Чтобы глубже ощутить красоту и силу поэзии Державина, сегодняшнему читателю надо перенестись воображением в старинный Санкт-Петербург, заглянуть за массивную, но кажущуюся удивительно легкой решетку Летнего сада, вспомнить скульптуру и живопись Эрмитажа — Зимнего дворца, в котором по долгу службы стоял на часах поэт-мушкетер, и тогда станет ясно, что пластика державинского стиха сродни изваяниям богов, созданных величайшими мастерами прошлого. И не диво, что выросший в Царско-

сельском лицее Пушкин с таким воодушевлением вспоминает о присутствии старого вельможи на экзамене в январе 1815 года:

«Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил... Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности. Тут он оживился, глаза заблестели; он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостью необыкновенной. Наконец вызвали меня. Я прочел мои «Воспоминания в Царском Селе», стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминалось имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом... Не помню, как я кончил свое чтение; не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли...»

Позже, работая над восьмой главой романа «Евгений Онегин», Пушкин снова вспомнил дни юности:

Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.

Скончался Гаврила Романович 20 июля 1816 года в своем имении на берегу Волхова. Прах его покоится у стены Софийского собора в Новгородском кремле.

Есть у Державина строки, предварившие своей художественной образностью знаменитый пушкинский «Памятник»:

С Курильских островов до Буга,
От Белых до Каспийских вод
Народы, света с полукруга,
Составившие россов род,
Со временем о мне узнают...

Со временем... Это предвидение Гаврилы Романовича оказалось пророческим. При Екатерине Второй и Павле Первом круг его читателей ограничивался грамотными людьми дворянского сословия. В XIX веке державинские строки зазвучали в стенах городских гимназий, под убогими кровлями еще малочисленных сельских школ. И только сейчас, при советском строе, все лучшее в творческом наследии Державина стало достоянием каждого культурного человека.

К. Орешин

К Л Ю Ч

Источник шумный и прозрачный,
Текущий с горной высоты,
Луга поющий, доли злачны,
Кропящий перлами цветы,
О, коль ты мне приятен зришься!

Ты чист — и восхищаешь взоры,
Ты быстр — и утешаешь слух;
Как серна, скачуща на горы,
Так мой к тебе стремится дух,
Желаньем петь тебя горящий.

Когда в дуги твои серебристы
Глядится красная заря,
Какие пурпуровы огнисты
И розы пламенны, горя,
С паденьем вод твоих катятся!

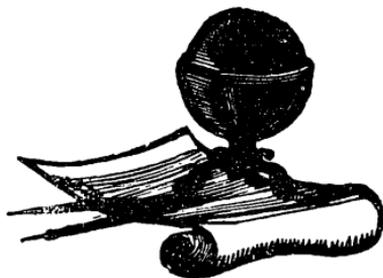
Гора в день стадом покровенну
Себя в тебе любуясь зрит;
В твоих водах изображенну
Дуброву ветерок струит,
Волнует жатву золотую.

Багряным бег твой становётся,
Как солнце катится с небес;
Лучом кристалл твой загорится,
В дали начнет синеться лес,
Туманов море разольется.

О! коль ночью темнотою
Приятен вид твой при луне,
Как бледны хóлмы над тобою
И рощи дремлют в тишине,
А ты один, шумя, сверкаешь!..

1779

К ПОРТРЕТУ МИХАЙЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ЛОМОНОСОВА

Се Пиндар, Цицерон, Вергилий * — слава россов,
Неподражаемый, бессмертный Ломоносов.
В восторгах он своих где лишь черкнул пером,
От пламенных картин поныне слышен гром.

1779

Пиндар — древнегреческий поэт-лирик VI века до н. э., автор од в честь победителей в Олимпийских играх.

Марк Тулий Цицерон (I век до н. э.) — древнеримский оратор, писатель, политический деятель.

Публий Вергилий Марон (I век до н. э.) — древнеримский поэт эпического склада.

В русской литературе XVIII века деятели культуры Древней Греции и Рима были особенно популярны.

**КНЯЗЮ КАНТЕМИРУ,
СОЧИНИТЕЛЮ САТИР**

Старинный слог его достоинств не умáлит.
Порок, не подходи! Сей взор тебя ужалит.

1779

Антиох Дмитриевич Кантеми́р (1708—1744) — русский поэт. В своих произведениях высмеивал обычаи и нравы дворянства.

НА МОДНОЕ ОСТРОУМИЕ 1780 ГОДА

Не мыслить ни о чем и презирать сомненье,
На все давать тотчас свободное решение,
Не много разуметь, о многом говорить;
Быть дерзку, но уметь продерзостями льстить;
Красивой пустошью плодиться в разговорах,
И другу и врагу являть приятство в взорах;
Блистать учтивостью, но, чтя, пренебрегать,
Смеяться дуракам и им же потакать,
Любить по прибыли, по случаю дружитья,
Душою подличать, а внешностью гордиться,
Казаться богачом, а жить за счет других;
С осанкой важничать в безделицах самих;
Для острого словца шутить и над законом,
Не уважать отцом, ни матерью, ни тронем *;
И, словом, лишь умом в поверхности блистать,
В познаниях одни цветы только срывать,
Тот узел рассекать, что развязать не знаем,—
Вот остроумием что часто мы считаем!

1780

Не уважать отца, мать, государство.

К ПЕРВОМУ СОСЕДУ

Кого роскошными пирами
На влажных Невских островах,
Между тенистыми древами,
На мураве и на цветах,
В шатрах персидских, златошвенных
Из глин китайских драгоценных,
Из венских чистых хрусталей,
Кого толь славно угощаешь
И для кого ты расточаешь
Сокровищи казны твоей?

Гремит музЫ́ка, слышны хоры
Вкруг лакомых твоих столов;
Сластей и ананасов горы
И множество других плодов
Прельщают чувства и питают;
Младые девы угощают,
Подносят вина чередой,
И Алиáтико с шампанским,
И пиво русское с британским,
И мозель с зельцерской водой.

В вертепе * мраморном, прохладном,
В котором льется водоскат,
На ложе роз благоуханном,
Средь лени, неги и отрад,
Любовью распаленный страстной,
С молодой, веселою, прекрасной
И нежной нимфой ты сидишь;
Она поет, ты страстью таешь,
То с ней в веселье утопаешь,
То, утомлен весельем, спишь.

Ты спишь,— и сон тебе мечтает,
Что век благополучен ты,
Что само небо рассыпает
Блаженства вокруг тебя цветы,
Что парка * дней твоих не косит,
Что откуп вновь тебе приносит
Сибирски горы серебра
И дождь золотой к тебе лиется.
Блажен, кто поутру проснется
Так счастливым, как был вчера!

Блажен, кто может веселиться
Бесперерывно в жизни сей!
Но редкому пловцу случится
Безбедно плавать среди морей:
Там бурны дышат непогоды,
Горам подобны гонят воды
И с пеною песок мутят.
Петрополь * сосны осеняли,
Но вихрем пораженны пали,
Теперь корнями вверх лежат.

Непостоянство — доля смертных,
В временах вкуса счастье их;
Среди утех своих несметных

Желаем мы утех иных.
Придут, придут часы те скучны,
Когда твои ланиты * тучны
Престанут грации * трепать;
И, может быть, с тобой в разлуке
Твоя уж Пенелопа в скуке
Ковер не будет распускать *.

Не будет, может быть, лелеять
Судьба уж более тебя
И ветер благополучный веять
В твой парус: береги себя!
Доколь текут часы златые
И не приспели скорби злые,
Пей, ешь и веселись, сосед!
На свете жить нам время срочно;
Веселье то лишь непорочно,
Раскаянья за коим нет.

1780

В е р т е п — по-старославянски пещера; здесь: искусственный грот, место отдыха.

П а р к и — в мифах древних римлян три богини судьбы; первая свивает, вторая ткёт, а третья обрезает нить жизни.

П е т р о́ п о л ь — Петербург.

Л а н и́ т ы — щеки.

Г р а́ ц и и — три богини древних римлян, олицетворение цветущей молодости; в переносном смысле: красивые девушки.

П е н е л о́ п а — жена главного героя гомеровской «Одиссеи»; во время двадцатилетних странствий Одиссея ее принуждали выбрать себе другого мужа, и верная Пенелопа дала обещание сделать это не раньше, чем соткет пышное покрывало, а сама каждую ночь распускала сотканное за день.

ВЛАСТИТЕЛЯМ И СУДИЯМ

Восстал всевышний бог, да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг: спасти от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

Не внемлют! видят — и не знают!
Покрыты мздою очеса *:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны
И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Воскресни, боже! боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых
И будь един царем земли!

1780 (?), 1787

Мзда — продажность, взятка; очеса́ — очи, глаза.

ФЕЛИЦА

Богopodobная царевна
Киргиз-кайсацкия орды,
Которой мудрость несравненна
Открыла верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоко гору,
Где роза без шипов растет,
Где добродетель обитает,
Она мой дух и ум пленяет,
Подай найти ее совет.

Подай, Фелица, наставленья:
Как пышно и правдиво жить,
Как укрощать страстей волненья
И счастливым на свете быть?
Меня твой голос возбуждает,
Меня твой сын препровождает;
Но им последовать я слаб.
Мяжась житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотям я раб.

Мурзам * твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом;
Не дорожа твоим покоем,
Читаешь, пишешь пред налоем,
И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь;
Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра...

А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью;
Преображая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою *:
То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю;
То, возмечтав, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом;
То вдруг, прельщаяся нарядом,
Скачу к портному по кафтан.

Или в пиру я пребогатом,
Где праздник для меня дают,
Где блещет стол серебром и златом,
Где тысячи различных блюд:
Там славный окорок вестфальской,
Там звенья рыбы астраханской,
Там плов и пироги стоят;
Шампанским вафли запиваю
И все на свете забываю
Средь вин, сладстей и аромат.

Или средь рощицы прекрасной
В беседке, где фонтан шумит,
При звоне арфы сладкогласной,
Где ветерок едва дышит,

Где все мне роскошь представляет,
К утехам мысли уловляет,
Томит и оживляет кровь,
На бархатном диване лежа,
Младой девицы чувства нежа,
Вливаю в сердце ей любовь.

Или великолепным цугом *
В карете английской, златой,
С собакой, шúтом, или другом,
Или с красавицей какой
Я под качелями гуляю;
В шинки пить меду заезжаю;
Или, как то наскучит мне,
По склонности моей к преме,не,
Имея шапку набекрене,
Лечу на резвом бегуне.

Или музЫкой и певцами,
Оргáном и волынкой вдруг,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой дух;
Или, о всех делах заботу
Оставя, ежду на охоту
И забавляюсь лаем псов;
Или над Невскими берегами
Я тешусь по ночам рогами
И греблей удалых гребцов.

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя в дураки с женой;
То с ней на голубятню лажу,
То в жмурки рёзвимся порой;
То в свайку * с нею веселюся,
То ею в голове ищуся;
То в книгах рыться я люблю,
Мой ум и сердце просвещаю,

Полкана и Бову * читаю;
За Библией, зевая, сплю.

Таков, Фелица, я развратен!
Но на меня весь свет похож.
Кто сколько мудростью ни знатен,
Но всякий человек есть ложь.
Не ходим света мы путями,
Бежим разврата за мечтами.
Между лентяем и брюзгой **,
Между тщеславья и пороком
Нашел кто разве ненароком
Путь добродетели прямой.

Нашел,— но лъзя ль не заблуждаться
Нам, слабым смертным, в сем пути,
Где сам рассудок спотыкаться
И должен вслед страстям идти;
Где нам ученые невежды,
Как мгла у путников, тмят вежды?
Везде соблазн и лесья живет,
Пашей всех роскошь угнетает.
Где ж добродетель обитает?
Где роза без шипов растет?

Тебе единой лишь пристойно,
Царевна, свет из тьмы творить;
Деля Хаос на сферы стройно,
Союзом целость их крепить;
Из разногласия — согласие
И из страстей свирепых счастье
Ты можешь только созидать.
Так кормщик, через понт * плывущий,
Ловя под парус ветр ревуший,
Умеет судном управлять...

Но где твой трон сияет в мире?
Где, ветвь небесная, цветешь?

В Багдаде? Смирне? Кашемире? *
 Послушай, где ты ни живешь,—
 Хвалы мои тебе приметя,
 Не мни, чтоб шапки иль бешметя *
 За них я от тебя желал.
 Почувствовать добра приятство
 Такое есть души богатство,
 Какого Крез * не собирал.

Прошу великого пророка:
 Да праха ног твоих коснусь,
 Да слов твоих сладчайша тока
 И лицезренья насладусь!
 Небесные прошу я силы,
 Да, их простря сафирны крылы,
 Невидимо тебя хранят
 От всех болезней, зол и скуки;
 Да дел твоих в потомстве звуки,
 Как в небе звезды, возблестят.

1782

В первой строфе поэт обращается к Екатерине II, автору «Сказки о царевиче Хлоре», в которой рассказывалось, как киргизский хан, похитив русского царевича Хлора, повелел ему найти розу без шипов — символ добродетели. Хлор нашел ее на высокой горе с помощью дочери хана Фелицы (образовано от лат. felicitas — счастье).

Мурзá — татарский вельможа. Державин употребляет это слово в двух планах: когда речь идет о Фелице, то под мурзой подразумевается автор оды; когда он говорит как бы о самом себе, тогда мурза — сатирический образ вельможи-придворного, составленный из черт, присущих Г. А. Потемкину, А. Г. Орлову, П. И. Панину и др.

Кружу в химерах... — фантазирую.

Цугом — езда на двух-трех парах лошадей, запряженных гуськом, одна пара за другой.

Свáйка — русская народная игра: сильным броском большой гвоздь вгоняется в мету.

Полкán и Бовá — персонажи средневековой рыцарской повести, а позднее сказки.

Между лентяем и брюзгой — Лентяг-мурза и Брюзга-султан — персонажи сказки Екатерины II о царевиче Хлоре.

Понт — море.

Багдад, Смирна, Кашемир — древние города Востока.

Бешмёт — татарская мужская одежда.

Крез — легендарный лидийский царь, обладатель несметных сокровищ.

ВИДЕНИЕ МУРЗЫ

На темно-голубом эфире
Златая плавала луна;
В серебряной своей порфире *
Блистаючи с высот, она
Сквозь окна дом мой освещала
И палевым своим лучом
Златые стекла рисовала
На лаковом полу моем.
Сон томною своей рукою
Мечты различны рассыпал,
Кропя забвения росую,
Моих домашних усыпляя;
Вокруг вся область почивала,
Петрополь с башнями дремал,
Нева из урны чуть мелькала *,
Чуть Бельт * в берегах своих сверкал;
Природа, в тишину глубоко
И в крепком погруженна сне,
Мертва казалась слуху, оку
На высоте и в глубине;
Лишь веяли одни зephyры,
Прохладу чувствам принося.
Я не спал,— и, со звоном лиры
Мой тихий голос соглася,
Блажен, воспел я, кто доволен
В сем свете жребием своим,

Обилен, здрав, покоен, волен
И счастлив лишь собой самим;
Кто сердце чисто, совесть праву
И твердый нрав хранит в свой век
И всю свою в том ставит славу,
Что он лишь добрый человек;
Что карлой он и великаном
И дивом света не рожден
И что не создан истуканом
И оных чтить не принужден;
Что все сего блаженствы мира
Находит он в семье своей;
Что нежная его Пленира *
И верных несколько друзей
С ним могут в час уединенный
Делить и скуку и труды!
Блажен и тот, кому царевны
Какой бы ни было орды
Из теремов своих янтарных
И серебро-розовых светлиц,
Как будто из улусов * дальних,
Украдкой от придворных лиц *,
За рассказы, за растабары,
За вирши иль за что-нибудь
Исподтишка драгие дары
И в досканцах * червонцы шлют;
Блажен! — Но с речью сей незапно
Мое всё зданье потряслось,
Раздвиглись стены, и стократно
Ярче молний пролилось
Сиянье вокруг меня небесно;
Сокрылась, побледнев, луна.
Виденье я узрел чудесно:
Сошла со облаков жена,—
Сошла — и жрицей очутилась
Или богиней предо мной *.

Одежда белая струилась
На ней серебряной волной;
Градская на главе корона,
Сиял при персях * пояс злат;
Из черно-огненна виссона *,
Подобный радуге, наряд
С плеча десного * полосою
Висел на левую бедру;
Простертой на алтарь рукою
На жертвенном она жару
Сжигая маки благовонны *
Служила вышню божеству.
Орел полунощный, огромный,
Сопутник молний торжеству,
Геройской провозвестник славы,
Сидя пред ней на гряде книг,
Священны блюл ее уставы;
Потухший гром в когтях своих
И лавр с оливными ветвями
Держал, как будто бы уснув *.
Сафи́ро-светлыми очами,
Как в гневе иль в жару, блеснув,
Богиня на меня воззрела.
Пребудет образ век во мне,
Она который впечатлела!
«Мурза! — она вещала мне.—
Ты быть себя счастливым чаешь,
Когда по дням и по ночам
На лире ты своей играешь
И песни лишь поешь царям.
Вострепещи, мурза несчастный!
И страшны истины внемли,
Которым стихотворцы страстны
Едва ли верят на земли;
Одно к тебе лишь доброхотство
Мне их открыть велит. Когда

Поэзия не сумасбродство,
Но вышний дар богов,— тогда
Сей дар богов лишь к чести
И к поученью их путей
Быть должен обращен, не к лести
И тленной похвале людей.
Владыки света люди те же,
В них страсти, хоть на них венцы;
Яд лести их вредит не реже,
А где поэты не льстецы?
И ты сирен поющих грому
В вред добродетели не строй;
Благотворителю прямому
В хвале нет нужды никакой.
Хранящий муж честные нравы,
Твори свой долг, свои дела,
Царю приносят больше славы,
Чем всех пиитов похвала.
Оставь нектаром наполненну
Опасну чашу, где скрыт яд».
Кого я зрю столь дерзновенну,
И чьи уста меня разят?
Кто ты? Богиня или жрица? —
Мечту стоящу я спросил.
Она рекла мне: «Я Фелица»;
Рекла — и светлый облак скрыл
От глаз моих ненасыщенных
Божественны ее черты;
Курение мастик бесценных
Мой дом и место то цветы
Покрыли, где она явилась.
Мой бог! мой ангел во плоти!..
Душа моя за ней стремилась,
Но я за ней не мог идти,
Подобно громом оглушенный,
Бесчувствен я, безгласен был.

Но, током слезным орошенный,
Пришел в себя и возгласил:
Возможно ль, кроткая царевна!
И ты к мурзе чтоб своему
Была сурова столь и гневна,
И стрелы к сердцу моему
И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей
К себе и ты не одобряла?
Довольно без тебя людей,
Довольно без тебя поэту
За каждую мысль, за каждый стих
Ответствовать лихому свету
И от сатир щититься злых!
Довольно золотых кумиров,
Без чувств мои что песни чли;
Довольно кадиев *, факиров,
Которы в зависти сочли
Тебе их неприличной лестью;
Довольно нажил я врагов!
Иной отнес себе к бесчестию,
Что не дерут его усов;
Иному показалось больно,
Что он насадкой не сидит;
Иному — очень своевольно
С тобой мурза твой говорит;
Иной вменял мне в преступленье,
Что я посланницей с небес
Тебя быть мыслил в восхищенье
И лил в восторге токи слез.
И словом: тот хотел арбуза,
А тот соленых огурцов.
Но пусть им здесь докажет муза,
Что я не из числа льстецов;
Что сердца моего товаров
За деньги я не продаю

И что не из чужих анбаров
 Тебе наряды я крою.
 Но, венценосна добродетель!
 Не лесть я пел и не мечты,
 А то, чему весь мир свидетель:
 Твои дела суть красоты.
 Я пел, пою и петъ их буду
 И в шутках правду возвещу;
 Татарски песни из-под спуду,
 Как луч, потомству сообщу;
 Как солнце, как луну поставлю
 Твой образ будущим векам;
 Превознесу тебя, прославлю;
 Тобой бессмертен буду сам.

1783—1784

Порфи́ра — багряный плащ, торжественное облачение царей.
 Нева из урны...— Закованная в гранит Нева представляется поэту как бы заключенной в сосуд — «урну».

Бельт — Балтийское море.

Плені́ра — Е. Я. Бастидон (1760—1794), первая жена Державина.

Улу́сы — селения кочевников.

Украдкой от придворных лиц...— По словам Державина, Екатерина II делала вид, что «Фелица» к ней не относится, и поэтому послала подарок поэту тайно от придворных.

До́сканец — коробочка, ящичек; у Державина — табакерка.

Сошла — и жрицей очутилась...— точное описание портрета Екатерины II работы Д. Г. Левицкого.

Пе́рси — грудь.

Виссо́н — название шелковой ткани для царской одежды.

Десно́е — правое.

Сжигая маки благовонны...— то есть жертвуя своим покоем; мак — символ сна, покоя.

Потухший гром (Перун), оливковые ветви, сон орла — символ мира (Россия не вела войн с 1775 по 1787 г.).

Ка́ди — судья в мусульманских странах.

ОСЕНЬ ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ ОЧАКОВА

Спустил седой Эол Борея *
С цепей чугунных из пещер;
Ужасные крыла расширя,
Махнул по свету богатырь;
Погнал стадами воздух синий,
Сгустил туманы в облака,
Давнул — и облака расселись,
Пустился дождь и восшумел.

Уже румяна Осень носит
Снопы златые на гумно,
И роскошь винограду просит
Рукою жадной на вино.
Уже стада толпятся птичьи,
Ковыль сребрится по степям;
Шумящи красно-желты листья
Расстлались всюду по тропам...

Огонь, в волнах не угасимый,
Очаковские стены * жрет;
Пред ними росс непобедимый
И в мраз зелены лавры жнет;
Седые бури презирает,
На льды, на рвы, на гром летит,
В водах и в пламе помышляет:
Или умрет, иль победит..

1788

Э́ о л — в мифах Греции владыка всех ветров.

Бо́ р е й — грозный бог ветра северного. Плененные жизнелюбием, красотой и богатством греческой мифологии, русские поэты XVIII столетия часто упоминали в своих стихах античных богов, которых проповедники мрачного христианства считали языческими, отвергали.

Разгромив турецкую гребную флотилию, адмирал Ушаков помог суворовской пехоте прочно блокировать Очаков, укрепленный турками при помощи французских инженеров; русские солдаты и матросы взяли крепость 6 декабря 1788 года.

ЗАЗДРАВНЫЙ ОРЕЛ

По северу, по югу
С Москвы орел парит;
Всему земному кругу
Полет его звучит.

О! исполать, ребята,
Вам, русские солдаты,
Что вы неустрашимы,
Никем непобедимы:
За здравье ваше пьем.

Орел бросает взоры
На льва и на луну *,
Стокгольмы и Босфоры
Все бьют челом ему.

О! исполать вам, вой,
Бессмертные герои,
Румянцев и Суворов,

За столько славных боев:
Мы в память вашу пьем.

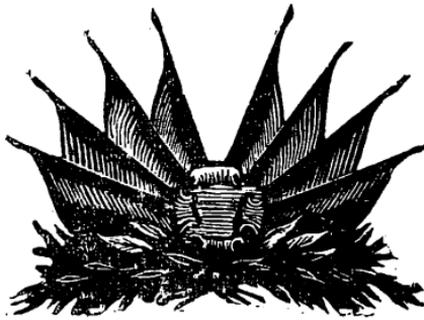
Орел глядит очами
На солнце в высоты,
Герои под шлемáми —
На женски красоты.

О! исполать, красотки,
Вам, росски амазонки!
Вы в мужестве почтенны,
Вы в нежности любезны:
За здравье ваше пьем!

1791—1801

В стихотворении обыгрываются изображения на государственных гербах: орел — на русском, лев — на шведском, луна (полумесяц) — на турецком.

НА ВЗЯТИЕ ИЗМАИЛА

Везувий пламя изрыгает,
Столп огненный во тьме стоит,
Багрово зарево зияет,
Дым черный клубом вверх летит;
Краснеет понт, ревет гром ярый,
Ударам вслед звучат удары;
Дрожит земля, дождь искр течет;
Клокочут реки рдяной лавы, —
О росс! Таков твой образ славы,
Что зрел под Измаилом свет!..

Как воды, с гор весной в долину
Низвержась, пенятся, ревут,
Волнами, льдом трясут плотину,
К твердыням россы так текут.
Ничто им путь не воспрещает;
Смертей ли бледных полк встречает.
Иль ад скрежещет зевом к ним, —
Идут, как в тучах скрыты громы,
Как двигнуты безмолвны холмы;
Под ними стон, за ними дым.

Идут в молчании глубоком,
Во мрачной, страшной тишине,

Собой пренебрегают, роком;
Зарница только в вышине
По их оружию играет;
И только их душа сияет,
Когда на бой, на смерть идет.
Уж блещут молнии крылами,
Уж осыпаются громами;
Они молчат — идут вперед...

О! что за зрелище предстало!
О пагубный, о страшный час!
Злодейство что ни вымышляло,
Поверглось, россы, всё на вас!
Зрю камни, ядра, вар и бревны,—
Но чем герои уstraшенны?
Чем может отражен быть росс?
Тот лезет по бревну на стену,
А тот летит с стены в геенну,—
Всяк Курций, Деций, Буароз!..*

Представь последний день природы,
Что пролилася звезд река,
На огонь пошли стеною воды,
Бугры взвились за облака;
Что вихри тучи к тучам гнали,
Что мрак лишь молнии освещали,
Что гром потряс всемирну ось,
Что солнце, мглою покровенно,
Ядро казалось раскаленно:
Се вид, как вшел в Измаил росс!..

О! ежели издревле миру
Побед славнейших звук гремит,
И если приступ славен к Тиру*,—
К Измаилу больше знаменит.
Там был вселенной покоритель,
Машин и башен сам строитель,

Горой он море запрудил,
А здесь вождя * одно веленье
Свершило храбрых россов рвенье;
Великий дух был вместо крыл...

Где есть народ в краях вселенны,
Кто б столько сил в себе имел:
Без помощи, от всех стесненный,
Ярем с себя низвергнуть смел
И, вырвав бы венцы лавровы,
Возверг на тех самих оковы,
Кто столько свету страшен был?
О росс! твоя лишь добродетель
Таких великих дел содетель;
Лишь твой орел луну затмил...

О кровь славян! Сын предков славных,
Несокрушаемый колосс!
Кому в величестве нет равных,
Возросший на полсвете росс!
Твои коль славны древни следы!
Громчай суть нынешни победы:
Зрю вокруг тебя лавровый лес;
Кавказ и Тавр ты преклоняешь,
Вселенной на среду ступаешь
И досягаешь до небес.

1791

К у р ц и й, Д ё ц и й, Бу а р о з.— «Первый — всадник римский, бросившийся в разверстую бездну, чтоб утишить моровое поветрие в Риме; второй — полководец римский, бросившийся в первые ряды, дабы смешать и победить неприятеля; третий — капитан французской службы, вошедший по веревке во время бури на скалу в 80 сажен вышиною и тем взявший крепость». (*Объяснение Державина.*)

Т и р.— «Александр (Македонский), отправившийся для покорения Персии, когда не мог взять города Тира, на пути лежавшего, то, чтобы ближе подвести стенобитные машины, таранами называемые, запрудил Тирский залив и взял город приступом». (*Объяснение Державина.*)

В о ж д ь.— Штурмом Измаила руководил великий русский полководец Александр Васильевич Суворов; крепость пала 11 декабря 1790 года.

ВОДОПАД

Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами,
Жемчугу бездна и сребра
Кипит внизу, бьет вверх буграми;
От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит.

Шумит — и средь густого бора
Теряется вдали потом;
Луч чрез поток сверкает скоро;
Под зыбким сводом древ, как сном
Покрыты, воды тихо льются,
Рекою млечною влекутся.

Седая пена по берегам
Лежит буграми в дебрях темных;
Стук слышен млатов по ветрам,
Визг пил и стон мехов подъемных:
О водопад! в твоём жерле
Все утопает в бездне, в мгле!

Ветрами ль сосны поражены? —
Ломаются в тебе в куски;
Громами ль камни отторжены? —
Стираются тобой в пески;
Сковать ли воду льды дерзают? —
Как пыль стеклянна ниспадают.

Волк рыщет вокруг тебя и, страх
В ничто вмения, становится;
Огонь горит в его глазах,
И шерсть на нем щетиной зрится;
Рожденный на кровавый бой,
Он воет, согласясь * с тобой.

Лань идет робко, чуть ступает,
Вняв вод твоих падающих рев,
Рога на спину приклоняет
И быстро мчится меж дерев;
Ее страшит вокруг шум, бурь свист
И хрупкий под ногами лист.

Ретивый конь, осанку горду
Храня, к тебе порой идет;
Крутую гриву, жарку морду
Подняв, храпит, ушми прядет
И, подстрекаем быв, бодрится,
Отважно в хлябь твою стремится.

Под наклоненным кедром вниз,
При страшной сей красе природы,
На утлом пне, который свис
С утеса гор на яры воды,
Я вижу — некий муж седой
Склонился на руку главой.

Копье и меч, и щит великой,
Стена отечества всего,

И шлем, обвитый повиликой,
Лежат во мху у ног его.
В броне блистая златордяной,
Как вечер во заре румяной,—

Сидит — и взор вперя к водам,
В глубокой думе рассуждает:
«Не жизнь ли человек нам
Сей водопад изображает?
Он так же блеском струй своих
Поит надменных, кротких, злых.

Не так ли с неба время льется,
Кипит стремление страстей,
Честь блещет, слава раздается,
Мелькает счастье наших дней,
Которых красоту и радость
Мрачат печали, скорби, старость?..»

.
Сошла октябрьска ночь на землю,
На лоно мрачной тишины;
Нигде я ничего не внемлю,
Кроме ревуция волны,
О камни с высоты дробимой
И снежною горою зримой.

Пустыня, взор насупя свой,
Утесы и скалы дремали;
Волнистой облака грядой
Тихонько мимо пробегали,
Из коих, трепетна, бледна,
Проглядывала вниз луна.

Глядела и едва блистала,
Пред старцем преклонив рога,

Как бы с почтеньем познавала
В нем своего того врага,
Которого она страшилась,
Кому вселенная дивилась.

Он спал — и чудотворный сон
Мечты ему являл геройски:
Казалось ему, что он
Непобедимы водит войски;
Что вокруг его перун молчит,
Его лишь мановенья зрит;

Что огнедышащи за перстом
Ограды * вслед его идут;
Что в поле гладком, вокруг отверстом,
По слову одному растут
Полки его из скрытых станов,
Как холмы в море из туманов.

.

Он спит — и в сих мечтах веселых
Внимает завыванье псов,
Рев ветров, скрип дерев дебелых,
Стенанье филинов и сов,
И вещей глас вдали животных,
И тихий шорох вокруг бесплотных.

Он слышит: сокрушилась ель,
Станица вранов встрепетала,
Кремнистый холм дал страшну щель,
Гора с богатствами упала;
Грохочет эхо по горам,
Как гром гремящий по громам.

Он зрит одету в ризы черны
Крылату некую жену,
Власы имевшу распущенны,

Как смертну весть, или войну,
С косою в руках, с трубой стоящу,
И, слышит он — «проснись!» — гласящу.

На шлеме у нее орел
Сидел с перуном помраченным,
В нем герб отчества он зрел;
И, быв мечтой сей возбужденным,
Вздыхнул и, испустя слез дождь,
Вещал: «Знать, умер некий вождь!

Блажен, когда, стремясь за славой.
Он пользу общую хранил,
Был милосерд в войне кровавой
И самых жизнь врагов щадил:
Благословен средь поздних веков
Да будет друг сей человек!

Благословенна похвала
Надгробная его да будет,
Когда всяк жизнь его, дела
По пользам только помнить будет;
Когда не блеск его прельщал
И славы ложной не искал!

О слава, слава в свете сильных!
Ты точно сей есть водопад.
Он вод стремлением обильных
И шумом льющихся прохлад
Великолепен, светл, прекрасен,
Чудесен, силен, громок, ясен;

Дивиться вокруг себя людей
Всегда толпами собирает;
Но если он водой своей
Удобно всех не напоет,
Коль рвет берега и в быстротах
Его нет выгод смертным,— ах!

Не лучше ль менее известным,
А более полезным быть;
Подобясь ручейкам прелестным,
Поля, луга, сады кропить
И тихим вдалеке журчаньем
Потомство привлекать с вниманьем?

Пусть на обросший дерном холм
Приидет путник и воссядет
И, наклонясь своим челом
На подписанье гроба, скажет:
Не только славный лишь войной,
Здесь скрыт великий муж душой.

О! будь бессмертен, витязь бранный,
Когда ты весь соблюл свой долг!» —
Вещал седíной муж венчанный
И, в небеса воззрев, умолк.
Умолк,— и глас его промчался,
Глас мудрый всюду раздавался.

.

Услышьте ж, водопады мира!
О славой шумные главы!
Ваш светел меч, цветна порфира,
Коль правду возлюбили вы,
Когда имели только мету,
Чтоб счастье доставить свету.

Шуми, шуми, о водопад!
Касаяся странám воздушным,
Увеселяй и слух и взгляд
Твоим стремленьем, светлым, звучным,
И в поздней памяти людей
Живи лишь красотой твоей!

Живи! — и тучи пробегали
Чтоб редко по водам твоим,
В умах тебя не затмевали

Разжженный гром и черный дым;
Чтоб был вблизи, вдали любезен
Ты всем; сколь дивен, столь полезен.

И ты, о водопадов мать!
Река, на Севере гремяща,
О Суна! коль с высот блистать
Ты можешь — и, от зарь горяща,
Кипишь и сеешься дождем
Сафирным, пурпурным огнем,—

То тихое твое теченье,
Где ты сама себе равна,
Мила, быстра и не в стремленье,
И в глубине твоей ясна,
Важна без пены, без порыву,
Полна, велика без разливу,

И без примеса чуждых вод
Поя златые в нивах бреги,
Великолепный свой ты ход
Вливаешь в светлый сонм Онеги —
Какое зрелище очам!
Ты тут подобна небесам.

1791—1794

Согласясь — слив голоса.

В образе воина, отдыхающего у водопада, воспет генерал-фельдмаршал Петр Александрович Румянцев (1725—1796); под его командованием русские войска одерживали победы над Турцией.

Огнедышащи... ограды — введенный фельдмаршалом П. А. Румянцевым пехотный строй в форме четырехугольника, каре.

К О В Т О Р О М У С О С Е Д У

Не кость резная Колмогор *,
Не мрамор Тифды и Рифея *,
Не невски зеркала, фарфор,
Не шелк Баки, не глазуменя *
Благоуханные пары
Вельможей делают известность,
Но некий твердый дух и честность,
А паче * — муз дары.

Почто же, мой второй сосед *,
Столь зданьем пышным, столь отличным
Мне солнца застения свет,
Двором междуешь безграничным
Ты дому моего забор?
Ужель полей, прудов и речек
Тьмы скупленных тобой местечек
Твой не насытят взор?

В тот миг, как с пошвы * до конька
И около, презренным * взглядом,
Мое строение слегка
С своим обозревая рядом,

Ты в гордости своей с высот
На низменны мои мнишь кровы
Навесить темный сад кедровый
И шумны токи вод,—

Кто весть, что рок готовит нам?
Быть может, что сии чертоги,
Назначены тобой царям,
Жестоки времена и строги
Во стойлы конски обратят.
За счастье поруки нету,
И чтоб твой Феб * светил век свету,
Не бейся об заклад.

Так, так! — но примечай, как день,
Увы! ночь темна затмевает;
Луну скрывает облак, тень;
Она растет иль убывает,—
С сумой не ссорься и тюрьмой.
Хоть днесь к звездам ты высишь стены,
Но знай: ты прах одушевленный
И скроешься землей.

Надежней гроба дома нет,
Богатым он отверст и бедным;
И царь и раб в него придет.
К чему ж столь рвеньем ты безмерным
Свой постоялый строишь двор
И, ах! сокровища Тавриды *
На барках свозишь в пирамиды
Средь полицейских ссор?

Любовь граждан и слава нам
Лишь воздвигают прочны дома;
Они, подобно небесам,
Стоят и презируют громы.

Зри, хижина Петра * дондсь,
Как храм, нетленна средь столицы!
Свят дом, под кой народ гробницы
Матвееву принес! *

Рабочих в шуме голосов,
Машин во скрипе, во стенанье,
Средь громких песен и пиров
Трудись, сосед, и строй ты зданья;
Но мой не отнимай лишь свет.
А то оставь молве правдивой
Решить: чей дом скорей крапивою
Иль плющем * зарастет?

1791

Колмогóры — Холмогоры, бывшей Архангельской губернии.

Тйфда — олонецкое месторождение мрамора.

Рифей — Урал.

Шелк Бакй — шелк Баку.

Глазуме́й — китайский чай.

Па́че — более того.

Второй сосед. — Когда Державин купил дом на Фонтанке, его соседом оказался управитель Таврического дворца Потемкина.

С пошвы — с почвы, от земли.

Презрeнн ым — презрительным.

Фeб — в мифах греков олицетворение солнца; здесь: счастье.

Сокровища Таврйды. — После смерти Потемкина управитель стал вывозить из Таврического дворца имущество, но по жалобе наследников вмешалась полиция.

Хижина Петра — охраняемый нашим государством домик Петра I; находится на Петроградской стороне.

В XVII веке боярин Артамон Матвеев положил в фундамент своего дома надгробные плиты, принесенные ему зажиточными горожанами с могил отцов «в знак усердия».

Плющ — «трава, символ любви к отечеству». (Объяснение Державина.)

СКРОМНОСТЬ

Тихий, милый ветерочек,
Коль порхнешь ты на любезну,
Как вздыханье ей в ушкó шепчи.
Если спросит: чье? — молчи.

Чистый, быстрый ручеечек,
Если встретишь ты любезну,
Как слезинка ей в лицо плещи.
Если спросит: чья? — молчи.

Ясный, ведренный денечек,
Как осветишь ты любезну,
Взглядов пламенных ей брось лучи.
Если спросит: чьи? — молчи.

Темный миртовый лесочек,
Как сокроешь ты любезну,
Тихо веткой грудь ей щекочи.
Если спросит: кто? — молчи.

ЛАСТОЧКА

О домовитая Ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь красно-бела, касаточка,
Летняя гостья, певичка!
Ты часто по кровлям щебечешь,
Над гнездышком сидя, поешь.
Крылышками движешь, трепещешь,
Колокольчиком в горлышке бьешь.
Ты часто по воздуху вьешься,
В нем смелые крúги даешь;
Иль стелешься долу, несешься,
Иль в небе простряся плывешь.
Ты часто во зеркале водном
Под рдяной играешь зарей,
На зыбком лазуре бездонном
Тенью мелькаешь твоей.
Ты часто, как молния, реешь
Мгновенно туды и сюды;
Сама за собой не успеешь
Невидимы видеть следы,—
Но видишь там всю ты вселенну,
Как будто с высот на ковре:

Там башню, как жар позлащенну,
В чешуйчатом флот там серебре;
Там рощи в одежде зеленой,
Там нивы в венце золотом,
Там холм, синий лес отдаленный,
Там мошки толкутся столпом;
Там гнутся с утеса в понт воды,
Там ластятся струи к брегам.
Всю прелесть ты видишь природы,
Зришь лета роскошного храм;
Но видишь и бури ты черны,
И осени скучной приход;
И прячешься в бездны подземны,
Хладея зимою, как лед.
Во мраке лежишь бездыханна,—
Но только лишь прйдет весна
И роза вздохнет лишь румяна,
Встаешь ты от смертного сна;
Встанешь, откроешь зеницы *
И новый луч жизни ты пьешь;
Сизы оправя косицы *,
Ты новое солнце поешь...

1792

З е н и ц ы — глаза, зрачки.
К о с и ц ы — перья.

АМУР И ПСИШЕЯ

Амуру вздумалось Псишею,
Резвяся, поймать,
Опутаться цветами с нею
И узел завязать.

Прекрасна пленница краснеет
И рвется от него,
А он как будто бы робеет
От случая сего.

Она зовет своих подружек,
Чтоб узел развязать,
И он — своих крылатых служек,
Чтоб помочь им подать.

Приятность, младость к ним стремятся
И им служить хотят;
Но узники не суетятся,
Как вкопанны стоят.

Ни крылышком Амур не тронет,
Ни луком, ни стрелой;
Псишея не бежит, не стонет,—
Свились, как лист с травой.

Так будь, чета, век нераздельна,
Согласием дыша:
Та цепь тверда, где сопряженна
С любовью душа.

1793

ВЕЛЬМОЖА

Не украшение одежд
Моя днесь * муза прославляет,
Которое, в очах невежд,
Шутов в вельможи наряжает;
Не пышности я песнь пою;
Не истуканы за кристаллом *,
В кивотах * блещущи металлом,
Услышат похвалу мою.

Хочу достоинства я чтить,
Которые собою сами
Умели титлы * заслужить
Похвальными себе делами;
Кого ни знатный род, ни сан,
Ни счастье не украшали;
Но кои доблестью снискали
Себе почтенье от граждán.

Кумир, поставленный в позор *,
Несмысленную чернь прельщает;
Но коль художников в нем взор
Прямых красот не ощущает,—

Се образ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!
И вы, без благости душевной,
Не все ль, вельможи, таковы?

Не перлы перские * на вас
И не бразильски звезды * ясны,—
Для возлюбивших правду глаз
Лишь добродетели прекрасны,
Они суть смертных похвала.
Калигула! * твой конь в Сенате
Не мог сиять, сияя в злате:
Сияют добрые дела.

Осел останется ослом,
Хотя осыпь его звездáми *;
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами.
О! тщетно счастья рука,
Против естественного чина,
Безумца рядит в господина
Или в шумиху дурака.

Каких ни вымышляй пружин,
Чтоб мужу бую * умудриться,
Не можно век носить личин *,
И истина должна открыться.
Когда не сверг в боях, в судах,
В советах царских — сопостатов,
Всяк думает, что я Чупятов *
В мароккских лентах и звездах.

Оставя скипетр, трон, чертог,
Быв странником, в пыли и в поте,
Великий Петр, как некий бог,
Блистал величеством в работе:

Почтен и в рубище герой!
Екатерина в низкой доле
И не на царском бы престоле
Была великою женой.

И впрямь, коль самолюбья лесть
Не обуяла б ум надменный,—
Что наше благородство, честь,
Как не изящности душевны?
Я князь — коль мой сияет дух;
Владелец — коль страстьми владею;
Болярин — коль за всех болею,
Царю, закону, церкви друг.

Вельможу должны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно;
Собой пример он должен дать,
Что звание его священо,
Что он орудье власти есть,
Подпора царственного зданья;
Вся мысль его, слова, деянья
Должны быть — польза, слава, честь.

А ты, второй Сарданапал!*
К чему стремишь всех мыслей беги?
На то ль, чтоб век твой протекал
Средь игр, средь праздности и неги?
Чтоб пурпур, золото всюду взор
В твоих чертогах восхищали,
Картины в зеркалах дышали,
Мусия *, мрамор и фарфор?

На то ль тебе пространный свет,
Простерши раболепны длани,
На прихотливый твой обед
Вкуснейших яств приносит дани,

Токай * — густое льет вино,
Левант * — с звездами кофе жирный,
Чтоб не хотел за труд всемирный
Мгновенье бросить ты одно?

Там воды в просеках текут
И, с шумом вверх стремясь, сверкают;
Там розы средь зимы цветут
И в рощах нимфы воспевают
На то ль, чтобы на всё взирал
Ты оком мрачным, равнодушным,
Средь радостей казался скучным
И в пресыщении зевал?

Орел, по высоте паря,
Уж солнце зрит в лучах полдневных,—
Но твой чертог едва заря
Румянит сквозь завес червленных *;
Едва по зыблющим грудям
С тобой лежащая Цирцеи *
Блистают розы и лилеи,
Ты с ней покойно спишь,— а там?

А там израненный герой,
Как лунь во бранях поседевший,
Начальник прежде бывший твой,—
В переднюю к тебе пришедший
Принять по службе твой приказ,—
Меж челядью твоей златою,
Поникнув лавровой главою *,
Сидит и ждет тебя уж час!

А там — вдова стоит в сенях
И горьки слезы проливает,
С грудным младенцем на руках,
Покрова * твоего желает.

За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга;
В тебе его зная прежде друга,
Пришла мольбу свою принести.

А там — на лестничный восход
Прибрел на костылях согбенный
Бесстрашный, старый воин тот,
Тремя медальми украшенный,
Которого в бою рука
Избавила тебя от смерти:
Он хочет руку ту простерти
Для хлеба от тебя куска.

А там, — где жирный пес лежит,
Гордится вратник галунами,—
Займодавец полк стоит,
К тебе пришедших за долгами.
Проснися, сибарит! Ты спишь
Иль только в сладкой неге дремлешь,
Несчастных голосу не внемлешь
И в развращенном сердце мнишь:

«Мне миг покоя моего
Приятней, чем в истории веки;
Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей уметь пить реки,
Лишь ветром плыть, гнесть чернь ярмом;
Стыд, совесть — слабых душ тревога!
Нет добродетели! нет бога!» —
Злодей, увы! — И грянул гром.

Блажен народ, который полн
Благочестивой веры к богу,
Хранит царев всегда закон,
Чтит нравы, добродетель строгу

Наследным перлом жен, детей,
В единопдушии — блаженство,
Во правосудии — равенство,
Свободу — во узде страстей!

Блажен народ! — где царь главой,
Вельможи — здоровы члены тела,
Прилежно долг все правят свой,
Чужого не касаясь дела;
Глава не ждет от ног ума
И сил у рук не отнимает,
Ей взор и ухо предлагает,—
Повелевает же сама.

Сим твердым узлом естества
Коль царство лишь живет счастливым,—
Вельможи! — славы, торжества
Иных вам нет, как быть правдивым;
Как блюсть народ, царя любить,
О благе общем их стараться;
Змеей пред троном не сгибаться,
Стоять — и правду говорить.

О русский бодрственный народ,
Отечески хранящий нравы!
Когда расслаб весь смертных род,
Какой ты не причастен славы?
Каких в тебе вельможей нет? —
Тот храбрым был среди бранных звуков;
Здесь дал бесстрашный Долгоруков *
Монарху грозному ответ.

И в наши вижу времена
Того я славного Камилла *,
Которого труды, война
И старость дух не утомила.

От грома звучных он побед
Сошел в шалаш свой равнодушно,
И от сохи опять послушно
Он в поле Марсовом* живет.

Тебе, герой! желаний муж!
Не роскошью вельможа славный;
Кумир сердец, пленитель душ,
Вождь, лавром, ма́слиной венчанный!
Я праведну здесь песнь воспел.
Ты ею славься, утешайся,
Борись вновь с бурями, мужайся,
Как юный возносись орел.

Пари — и с высоты твоей
По мракам смутного эфира
Громовой пролети струей
И, опочив на лоне мира,
Возвесели еще царя.—
Простри твой поздний блеск в народе,
Как отдает свой долг природе
Румяна вечера заря.

1794

Д н е с ь — теперь, сегодня.

И с т у к а́ н ы — статуи; за кристаллом — за стеклом.

К и в о́ т ы — кноты, подставки, рамы для портретов или икон.

Т и́ т л ы — титулы.

К у м и р, поставленный в позор... — то есть изваяние, выставленное для обозрения.

П е р л ы п е́ р с к и е — персидский жемчуг.

Б р а з и́ л ь с к и е з в е з д ы — бриллианты из Бразилии.

К а л и́ г у л а — римский император I в.; ввел свою лошадь в сенат.

З в е з д а́ м и — наградами.

Б у й — буйный, безумный.

Л и ч и́ н а — маска.

Ч у п ь т о в.— Во времена Державина это был известный купец, душевнобольной. Поэт хочет сказать, что рядиться без заслуг в ордене может только сумасшедший.

С а р д а н а п а л — легендарный царь Ассирии; здесь: человек богатый и развратный.

М у с и я — мозаика.

Т о к а й — местность в Венгрии.

Л е в а н т — Ливан, вообще Восток.

Ч е р в л ё н н ы й — красный.

Ц и р ц ё л я — волшебница из поэмы Гомера «Одиссея»; здесь: обольстительная красавица.

Л а в р о в о й г л а в о ю — головой героя, победителя.

П о к р о в а — защиты.

Д о л г о р у к о в — сенатор петровского времени; публично разорвал подписанную Петром I бумагу сената, противоречившую закону.

К а м и л л — римский полководец V—IV веков до н. э.

М а р с — бог войны в мифах древних римлян.

К АНЖЕЛИКЕ КАУФМАН

Живописица преславна,
Кауфман, подруга муз!
Если в кисть твою влиянна
Свыше живость, чувство, вкус,
И, списав данаев *, древних
Нам богинь и красных жен,
Пережить в своих бесценных
Ты могла картинах тлен,—
Напиши мою Милену,
Белокурую лицом,
Стройну станом, возвышенну,
С гордым несколько челом;
Чтоб похожа на Минерву *
С голубых была очей,
И любовну искру перву
Ты зажги в душе у ней;

Чтоб, на всех взирая хладно,
Полюбила лишь меня;
Чтобы сердце безотрадно
В гроб с Пленирой схороня,
Я нашел бы в ней обратно
И, пленясь ее красой,
Оживился бы стократно
Молодой моей душой.

1795

Анжелі́ка Ка́уфман (1741—1807) — немецкая художница. Державин поясняет: «...она писала обыкновенно фигуры стройные, высокие, с греческими лицами. Такова была и жена автора».

Да́наи — греки.

Ми́не́рва — в мифах римлян богиня мудрости, покровительница наук и искусств, олицетворение закона.

СОЛОВЕЙ

На хóлме, сквозь зеленой роши,
При блеске светлого ручья,
Под кровом тихой майской ночи
Вдали я слышу соловья.
По вéтрам легким, благовонным
То свист его, то звон летит,
То, шумом заглушаем водным,
Вдыханьем сладостным томит.

Певец весенних дней пернатый,
Любви, свободы и утех!
Твой глас отрывный, перекаты
От грома к нежности, от нег
Ко плескам, трескам и перунам,
Средь поздних, ранних красных зарь,
Раздавшись неба по лазурям,
В безмолвие приводят тварь.

Молчит пустыня, изумленна,
И ловит гром твой жадный слух,
На крыльях эха раздробленна
Пленяет песнь твоя всех дух.

Тобой цветущий дол смеется,
Дремучий лес пускает гул;
Река бегущая чуть льется,
Стоящий холм чело нагнул.

И, свесясь со скалы кремнистой,
Густокудрява мрачна ель
Напев твой яркий, голосистой
И рассыпную звонку трель,
Как очарованна, внимает.
Не смеет двинуться луна
И свет свой слабо ниспускает;
Восторга мысль моя полна!

Какая громкость, живость, ясность
В созвучном пении твоём,
Стремительность, приятность, каткость
Между колен и перемен!
Ты щелкаешь, крутишь, поводишь,
Журчишь и стонешь в голосах;
В забвеньи души ты приводишь
И отзываешься в сердцах.

О! если бы одну природу
С тобою взял я в образец,
Воспел богов, любовь, свободу --
Какой бы славный был певец!
В моих бы песнях жар и сила
И чувства были вместо слов;
Картину, мысль и жизнь явила
Гармония моих стихов.

Тогда б, подобно Тимотею *,
В шатре персидском я возлег
И сладкой лирою моею
Царево сердце двигать мог;

То, вспламеня любовной страстью,
К Таисе бы его склонял;
То, возбуждая грозой, напастью,
Копье ему на брань вручал.

Тогда бы я между прудами
На мягку мураву воссел
И арфы с тихими струнами
Приятность сельской жизни пел;
Тогда бы нимфа мне внимала,
Боясь в зеркало вод взглянуть;
Сквозь дымку бы едва дышала
Ее высока, нежна грудь.

Иль храбрых россиян делами
Пленясь бы, духом возлетал,
Героев полк над облаками
В сиянье звезд я созерцал;
О! коль бы их воспел я сладко,
Гремя поэзией моей
Отважно, быстро, плавно, кратко,
Как ты, о дивный соловей!

1795

Тимотей — музыкант Александра Македонского.

ПАМЯТНИК

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.

Так! — весь я не умру, но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.

Слух прѣйдет обо мне от Белых вод до Черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал,

Что первый я дерзнул в забавном русском слогѣ
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о боге
И истину царям с улыбкой говорить.

О муза! возгордись заслугой справедливой,
И прѣзрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой неторопливой
Чело твое зарей бессмертия венчай.

1795

Стихотворение «Памятник» — вольный перевод оды древнеримского поэта Горация «К Мельпомене», которая до Державина была переведена Ломоносовым, а после него — Пушкиным.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ОБЕДУ

Шекснинска стерлядь золотая,
Каймак и борщ уже стоят;
В графинах вина, пунш, блистая
То льдом, то искрами, манят;
С курильниц благовоньи льются,
Плоды среди корзин смеются,
Не смеют слуги и дохнуть,
Тебя стола вокруг ожидая;
Хозяйка статная, молодая
Готова руку протянуть.

Приди, мой благодетель давний,
Творец чрез двадцать лет добра!
Приди — и дом, хоть не нарядный,
Без резьбы, злата и сребра,
Мой посети: его богатство —
Приятный только вкус, опрятство
И твердый мой, нельстивый нрав;
Приди от дел попрохладиться,
Поесть, попить, повеселиться,
Без вредных здравию приправ.

Не чин, не случай и не знатность
На русский мой простой обед
Я звал, одну благоприятность;
А тот, кто делает мне вред,
Пирушки сей не будет зритель.
Ты, ангел мой, благотворитель!
Приди — и насладися благ;
А вражий дух да отженется,
Моих порогов не коснется
Ничей недоброхотный шаг!

Друзьям моим я посвящаю,
Друзьям и красоте сей день;
Достоинствам я цену знаю
И знаю то, что век наш тень;
Что лишь младенчество проводим —
Уже ко старости подходим,
И смерть к нам смотрит чрез забор.
Увы! — то как не умудриться
Хоть раз цветами не увиться
И не оставить мрачный взор?

Слышал, слышал я тайну эту,
Что иногда грустит и царь;
Ни ночь, ни день покоя нету,
Хотя им вся покойна тварь.
Хотя он громкой славой знатен,
Но, ах! — и трон всегда ль приятен
Тому, кто век свой в хлопотах?
Тут зрит обман, там зрит упадок:
Как бедный часовой тот жалок,
Который вечно на часах!

Итак, доколь еще ненастье
Не помрачает красных дней,
И приголубливает счастье,
И гладит нас рукой своей;

Доколе не пришли морозы,
В саду благоухают розы,
Мы поспешим их обонять.
Так! будем жизнью наслаждаться
И тем, чем можем, утешаться,
По платью ноги протягать.

А если ты иль кто другие
Из званых милых мне гостей,
Чертоги предпочтя златые
И яствы сахарны царей,
Ко мне не срядитесь откусать,—
Извольте мой вы толк послушать:
Блаженство не в лучах порфир,
Не в вкусе яств, не в неге слуха,
Но в здравье и спокойстве духа.—
Умеренность есть лучший пир.

1795

БОГИНЕ ЗДРАВИА

Здравья богиня благая,
Ввек ты со мною, Гигея, живи!
В дни живота моего
Мне ты спутницей будь!
Если обилье осклабится * смертным,
Если гордятся они правовластным
Блеском богатства,
Если любви страстны желанья стремятся
К сладким утехам на лоно,
Если на отчи глаза
Слезы младенец нежны манит,
Ежели боги на нас с высоты
Дождь благодати кропят разнovidный,
Если спокойство отшельных,
Скромна нас жизнь веселит, —
Всякая радость с тобой благовонней цветет.
Если ж, богиня, ты отступаешь,
Благо с тобой всё уходит от нас.

1795

Оскла́бится — улыбнется.

КУПИДОН

Под Медведицей небесной,
Средь ночных темнот,
Как на мир сей сон всеместной
Сыпал маковы цветы;
Как спокойно все уж спали,
Отягченные трудом,
Слышу, в двери застучали
Кто-то громко вдруг кольцом.
«Кто,— спросил я,— в дверь стучится
И тревожит сладкий сон?» —
«Отвори: чего страшиться?» —
Отвечал мне Купидон *.—
Я ребенок, как-то сбился
В ночь безлунную с пути,
Весь дождем я замочился,
Не найду, куда идти».
Жаль его мне очень стало,
Встал и высек я огня;
Отворил лишь двери мало,—
Прыг дитя перед меня.

В туле * лук на нем и стрелы;
Я к огню с ним поспешил,
Тер руками руки мерзлы,
Кудри влажные сушил.
Он успел лишь обогреться,
«Ну, посмотрим-ка,— сказал,—
Хорошо ли лук мой гнется?
Не испорчен ли чем стал?»
Молвил и стрелу мгновенно
Острую в меня пустил,
Ранил сердце мне смертельно
И, смеясь, говорил:
«Не тужи, мой лук годится,
Тетива еще цела».
С тех пор начал я крушиться,
Как любви во мне стрела.

1797

Купидóн— Эрóт, Амúр, бог любви.
Тул— колчан.

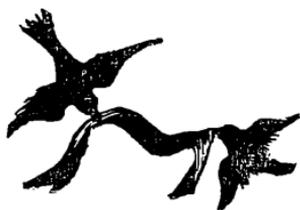
РОЖДЕНИЕ КРАСОТЫ

Сотворя Зевес * вселенну,
Звал богов всех на обед.
Вкруг нектара чашу пенну
Разносил им Ганимед *;
Мед, амброзия блистала
В их устах, по лицам огонь,
Благовоний мгла летала,
И Олимп был света полн;
Раздавались песен хоры,
И звучал весельем пир;
Но внезапно как-то взоры
Опустил Зевес на мир
И, увидя царствы, грады,
Что погибли от боев,
Что богини мещут взгляды
На беднейших пастухов,
Распалился столько гневом,
Что, курчавой головой
Покачав, шатнул всем небом,
Адом, морем и землей.

Вмиг сокрылся блеск лазуря:
Тьма с бровей, огонь с очес,
Вихорь с риз его, и буря
Восшумела от небес;
Разразились всюду громы,
Мрак во пламени горел,
Яры волны — будто холмы,
Понт стремился и ревел;
В растворенны бездн утробы
Тартар искры извергал;
В тучи Феб, как в черны гробы,
Погруженный трепетал;
И средь страшной сей тревоги
Коль еще бы грянул гром,—
Мир, Олимп, богов чертоги
Повернулись бы вверх дном.
Но Зевес вдруг умилился:
Стало, звать, красавиц жаль;
А как с ними не смирился,
Новую тотчас создал:
Ввил в власы пески златые,
Пламя — в щеки и уста,
Небо — в очи голубые,
Пену — в грудь,— и Красота
Вмиг из волн морских родилась.
А взглянула лишь она,
Тотчас буря укротилась
И настала тишина.
Сизы, юные дельфины,
Облелея табуном,
На свои ее взяв спины,
Мчали по пучине волн.
Белы голуби станицей,
Где откуда ни взялись,
Под жемчужной колесницей
С ней на воздух поднялись

И, летя под облаками,
Вознесли на звездный холм;
Зевс обнял ее лучами
С улыбнувшимся лицом.
Боги молча удивлялись,
На Красу разинув рот,
И согласно в том признались:
Мир и брани — от красот.

1797

Зевес — Зевс, верховное божество, вознесенное воображением древних греков на вершину горы Олимп.

Ганимед — любимец Зевса, получивший на Олимпе бессмертие.

САФО

Блажен, подобится богам
С тобой сидящий в разговорах,
Сладчайшим внемлющий устам,
Улыбке нежной в страстных взорах!

Увижу ль я сие — и вмиг
Трепещет сердце, грудь теснится,
Немеет речь в устах моих,
И молния по мне стремится.

По слуху шум, по взорам мрак,
По жилам хлад я ощущаю;
Дрожу, бледнею — и, как злак
Упадший, вяну, умираю.

1797

Сафо́ — прославленная греческая поэтесса, писавшая на грани VII и VI веков до н. э. В произведениях античных авторов есть отрывки из од Сафо, а наиболее известная ода сохранилась почти полностью. Воспроизводя на русском языке эту жемчужину поэзии древних, Державин в течение долгих лет многократно совершенствовал перевод. Имеются сведения о девяти редакциях рукописи, девяти этапах работы русского поэта над переводом двенадцати строк Сафо. Настоящая редакция — окончательная.

К МУЗЕ

Строй, муза, арфу золотую
И юную весну воспой:
Как нежною она рукой
На небо, море — голубую,
На доли и вершины гор
Зелену ризу надевает,
Вкруг ароматы разливает,
Всем осклабляет взор.

Смотри: как цепью птиц станицы
Летят под небом и трубят;
Как жаворонки вверх парят;
Как гусли тихи иль цевницы,
Звенят их гласы с облаков;
Как ключ шумит, свирель взывает
И между всех их пробегает
Свист громкий соловьев.

Смотри: в проталинах желтеют,
Как звезды, меж снегов цветы;
Как, распутившись, роз кусты
Смеются в люльках и алеют;

Сквозь мглу восходит злак челом,
Леса ветвями помавают,
По рдяду вод стеклу мелькают
Вверх рыбы серебром.

Смотри: как солнце золотое
Днесь лучезарнее горит;
Небесное лицо глядит
На всех, веселое, младое;
И будто вся играет тварь,
Природа блещет, восклицает:
Или какой себя венчает
Короной мира царь?

1797

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЕСНЫ

Возвращается Весна,
И хариты * вокруг блистают,
Взоры смертных привлекают.
Где стоит, грядет она,
Воздух дышит ароматом,
Усмехается заря,
Чешутся реки златом;
Рощи, в зеркала смотря,
На ветвях своих качают
Теплы, легки ветерки;
Сильфы * рэзвятся, порхают,
Зелень всюду и цветки
Стелют по земле коврами;
Рыбы мечутся из вод;
Журавли, вивсь кругами
Сквозь небесный синий свод,
Как валторны возглашают;
Соловей гремит в кустах,
Звери прыгают, брыкают,
Глас их вторится в лесах.

Горстью пахарь дождь на нивы
Сеет вокруг себя златой,
Белы парусы игривы
Вздулись на море горой;
Вся природа торжествует,
Празднует Весны приход,
Всё играет, всё ликует,—
Нимфы! * станьте в хоровод
И, в белейши снега ткани
Облаченны, изо льну,
Простирайте нежны длани,
Принимайте вы Весну,
А в цветах ее щедроты,
А в зефирах огонь сердцам.
С нею к вам летят эроты:
Без любви нельзя жить вам.

1797

Х а р и т ы — грации, античные богини красоты.

С и л ь ф ы — ветерки, в преданиях средневековья — духи воздуха.

Н и м ф ы — в мифах Греции лесные, горные, морские богини, олицетворявшие силы природы.

ДАР

«Вот,— сказал мне Аполлон,—
Я даю тебе ту лиру,
Коей нежный, звучный тон
Может быть приятен миру.

Пой вельможей и царей,
Коль захочешь быть им нравен;
Лирою чрез них ты сей
Можешь быть богат и славен.

Если ж пышность, сан, богатство
Не по склонностям твоим,
Пой любовь, покой, приятство:
Будешь красотой любим».

Взял я лиру и запел,—
Струны правду зазвучали:
Кто внимать мне захотел?
Лишь красавицы внимали.

Я доволен, света бог,
Даром сим твоим небесным.
Я богатым быть не мог,
Но я мил женам прелестным.

ЖЕЛАНИЕ

К богам земным сближаться
Ничуть я не ищущу,
И больше возвышаться
Никак я не хочу.

Души моей покою
Желаю только я:
Лишь будь всегда со мною
Ты, Дашенька моя!

1797

ПАРАШЕ

Белокурая Параша,
Сребро-розова лицом,
Коей мало в свете краше
Взором, сердцем и умом!

Ты, которой повторяет
Звучну арфу нежный глас,
Как Параша ударяет
В струны, утешая нас.

Встань, пойдем на луг широкой,
Мягкий, скатистый, к прудам;
Там под сенью древ далекой
Сядем, взглянем по струям:

Как, скользя по ним, сверкает
Луч от царских теремов,
Звезды, солнцы рассыпает
По теням между кустов.

Как за серебряной плотицей
Линь золотой по дну бежит;
За прекрасною девицей,
За тобой, Амур летит.

1798

ПОРТРЕТ ВАРЮШИ

Милая заря весення,
Алым блеском покровенна,
Как встает с кристальных вод
И в небесный йдет свод,
Мещет яхонтные взоры;
Тихий свет и огонь живой
Пронизает тверды горы,—
Так, Варюша, образ твой.

1798

ГЕРКУЛЕС

Геркулес пришел Данаю
Мимоходом навестить.
«Я,— сказал,— тобой пылаю»
(Он хотел с ней пошутить).
С важным взором и умильным,
Пламени в лице полна,
Вздумала с героем сильным
Тоже пошутить она.
Начала с ним разговоры,
Речь за речь и он повел;
Как-то встретились их взоры,
Нечувствительно он сел;
И меж тем как занялися
Так они шутя собой,
Где откуда ни взялися
Мальчиков крылатых строй;

Вкруг летали, шурмовали,
Над главами их паря,
И, подкравшись тихо, крали
Всё вокруг богатыря:
Тот унес, кряхтя, дубину,
Тот сайдак *, тот страшный меч;
Стеребили кожу львину
Те с его могучих плеч.
Не могла не улыбнуться
Красота, как шлем сняла:
Не успел он оглянуться —
В шлеме страсть гнездо свила.

1798

С а й д а к — лук со стрелами.

РУССКИЕ ДЕВУШКИ

Зрел ли ты, певец Тиисский *,
Как в лугу весной бычка *
Пляшут девушки российски
Под свирелью пастушка?
Как, склонясь главами, ходят,
Башмаками в лад стучат,
Тихо руки, взор поводят
И плечами говорят?
Как их лентами златыми
Челы белые блестят,
Под жемчугами драгими
Груды нежные дышат?
Как сквозь жилки голубые
Льется розовая кровь,
На ланитах огневые
Ямки врезала любовь?
Как их брови соболины,
Полный искр соколий взгляд,
Их усмешка — души львины
И орлов сердца рязят?

Коль бы видел дев сих красных,
Ты б гречанок позабыл
И на крыльях сладострастных
Твой Эрот прикован был.

1799

Певец Ти́ссский — Анакреонт, греческий поэт середины первого тысячелетия до н. э., жил в г. Теосе; ему подражали многие русские поэты.

Бычóк — русская народная пляска.

НА ПЕРЕХОД АЛЬПИЙСКИХ ГОР

Сквозь тучи вокруг лежащи, черны,
Твой горний кроющи полет,
Носящи страх нам, скорби зельны,
Ты грянул наконец! И свет,
От молнии твоей горящий,
Сердца Альпийских гор потрясший,
Струей вселенну пролетел;
Через неприступны переправы
На высоте ты новой славы
Явился, северный орел!

О радость! Муза! дай мне лиру,
Да вновь Суворова пою!
Как слышен гром за громом миру,
Да слышит всяк так песнь мою!
Побед его плененный слухом,
Лечу моим за ним я духом
Через доли, холмы и леса;
Зрю, близ меня зияют ады,
Над мной шумящи водопады,
Как бы склонились небеса.

Идет в веселии геройском
И тихим манием руки,
Повелевая сильным войском,
Сзывает вокруг себя полки.
«Друзья! — он говорит, — известно,
Что россам мужество совместно;
Но нет теперь надежды вам.
Кто вере, чести друг неложно,
Умреть иль победить здесь должно». —
«Умрем!» — клик вторит по горам...

Ведет в пути непроходимом
По темным дебрям, по тропам,
Под заревом, от молнии зримом,
И по бегущим облакам;
День — ночь ему среди туманов,
Ночь — день от громовых пожаров;
Несется в бездну по вервям *,
По камням лезет вверх из бездны,
Мосты ему — дубы зажженны,
Плывет по скачущим волнам.

Ведет под снегом, вихрем, градом,
Под ужасом природы всей;
Встречается спреди и рядом
На каждом шаге с тьмой смертей;
Отвсюду окружен врагами:
Водой, горами, небесами
И воинством противных сил.
Вблизи падут со треском холмы,
Вдали там гулы ропчут, громы,
Скрежещет бледный голод в тыл.

Ведет — и некая громада,
Гигант пред ним восстал в пути,
Главой небес, ногами ада
Касаяся, претит идти.

Со ребр его шумят вниз реки,
Пред ним мелькают дни и веки,
Как вокруг волнующийся пар;
Ничто его не потрясает,
Он гром и бури презирует —
Нахмурясь смотрит Сен-Готар...*

Дадите ль веру вы, потомки,
Толь страшных одоленью сил?
Дела героев древних громки,
До волн средьземных доходил
Алкид * и знак свой там поставил
На то, чтоб смертный труд оставил
И дале не дерзал бы взор,—
Но, сильный Геркулес Российский!
Тебе столпы его, знать, низки:
Шагаешь ты чрез цепи гор...

Возьми кто летопись вселенной,
Геройские дела читай,
Ценя их истиной священной,
С Суворовым соображай;
Ты зришь тех слабость, сих пороки
Поколебали дух высокий,—
Но он из младости спешил
Ко доблести простерть лишь длани;
Куда ни послан был на брани,
Пришел, увидел, победил.

1799

В е р в ь — веревка.

Во главе двадцати одной тысячи русских солдат А. В. Суворов освободил Северную Италию от французских завоевателей и 25 сентября 1799 года, взяв штурмом Сен-Готардский перевал, разгромил войска генерала Массены.

А л к и д — первоначальное имя Геркулеса, героя греческой мифологии, победителя чудовищной гидры. Пройдя Европу и Ливию, он воздвиг Геркулесовы столпы — Гибралтарские горы.

НА СМЕРТЬ
ГРАФА АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА
СУВОРОВА-РЫМНИКСКОГО, КНЯЗЯ
ИТАЛИЙСКОГО, В С.-ПЕТЕРБУРГЕ

О вечность! прекрати твоих шум вечных споров:
Кто превосходней всех героев в свете был?
В святилище твое от нас сей день вступил

СУВОРОВ.

1800

* * *

Враги нам лучшие друзья;
Они премудрости нас учат.
Но больше тех страшуся я,
Ласкательством меня кто мучат.

Между 1801 и 1816

КУЗНЕЧИК

Счастлив, золотой кузнечик,
Что в лесу куешь один!
На цветочный сев лужочек,
Пьешь с них мед, как господин;
Всем любуясь на воле,
Воспеваешь век ты свой;
Взглянешь лишь на что ты в поле,
Всем доволен, всё с тобой.
Земледельцев по соседству
Не обидишь ты ничем;
Ни к чьему не льнешь наследству,
Сам богат собою всем.
Песнопевец тёпла лета!
Аполлона нежный сын!
Честный обитатель света,
Всеми музами любим!
Вдохновенный, гласом звонким
На земле ты знаменит;
Чтут живые и потомки:

Ты философ! ты пиит!
Чист в душе своей, незлобен,
Удивление ты нам:
О, едва ли не подобен,
Мой кузнечик, ты богам!

1802

ШУТОЧНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Если б милые девицы
Так могли летать, как птицы,
И садились на сучках,—
Я желал бы быть сучочком,
Чтобы тысячам девóчкам
На моих сидеть ветвях.
Пусть сидели бы и пели,
Вили гнезды и свистели,
Выводили и птенцов;
Никогда б я не сгибался,
Вечно ими любовался,
Был счастливей всех сучков.

1802

ЛЮБУШКЕ

Не хочу я быть Протеем *,
Чтобы оборотнем стать;
Невидимкой или змеем
В терем к девушкам летать;
Но желал бы я тихонько,
Без огласки от людей,
Зеркалом в уборной только
Быть у Любушки моей:
Чтоб она с умильным взором
Обращалась ко мне,
Станом, поступью, убором
Любовалась во мне.
Иль бы, сделавшись водою,
Я ей тело омывал;
Вкруг монистой золотою
Руки блеском украшал;
В виде благовонной мази
Умощал бы ей власы,
На грудях в цветочной вязи
Отенял ее красы.

Иль, обнявши белу шею,
Был жемчуг ея драгой;
Став хоть обувью твоею,
Жала б ты меня ногой.

1802

Протей — в греческой мифологии один из олимпийских богов, способный менять свой облик.

СВОБОДА

Теплой осени дыхань
Помавение дубов,
Тихое листов шептанье,
Восклицанье голосов
Мне, лежащему в долине,
Наводили сладкий сон.

Видел я себя стоящим
На высоком вдруг холму,
На плоды вдали глядящим,
На шумящу близ волну;
И как будто в важном чине
Я носил на плéчах холм.

Дальше: власти мне святыя
Иго то велели несть,
Все венцы суля земные,
Титла, золото и честь.
«Нет! — восстав от сна глубока,
Я сказал им, — не хочу.

Не хочу моей свободы,
Совесь на мечты менять:
Гладки воды, коль погоды
Их не могут колебать.
Власть тогда моя высока,
Коль я власти не ищу».

1803

О ЛЕНИНУ

Обычьев русских, вида, чувства,
Моей поэзии изограф *,
Чьего и славный бритт искусства
Не снес *, красе возревновав;
В чьем рашкуле *, мелу, чернилах
Видна так жизнь, как в пантоминах,
Оленин милый! — вспомяни
Твое мне слово — и черкни.

Представь мне воина, идуща
С прямым бесстрашием души
На явну смерть и смерть несуща,
И, словом, росса напиши:
Как ржет пред ним Везувий ярый,
Над ним дождь искр, громов удары,
За ним — скрыл мрак его стопы —
Лежат Иракловы столпы!

Тебе,— так россу только можно
Отечества представить дух,—
Услуги верной ждать не должно
От иностранных слабых рук.

И впрямь: огромность исполина
Кто облечет, кроме сына
Его, и телом и душой?
Нам тесен всех других покрой.

Когда наука иль природа
Дадут и дух, и ум, и вкус,
Ни чин, ни должность, ни порода
Быть не претят друзьями муз.
И только ль в поле на сраженье
И за зеркалом дел в вершенье
Сыновний нужен царству жар? —
Нет! — проклят всяк, сокрывший дар.

Три дщери своего рожденья
Судили небеса послать,
Чтоб свет, красу и утешенье
На землю мрачну проливать;
Схватясь красавицы руками,
С улыбкой тихими стопами
Проходят мир — и се в наш век
Пришли в полнощъ, как Петр предрек.

Пусть дух поэта сотворяет,
Вливает живописец жизнь,
А чувства музыкант вдыхает
К образованию их отчизн;
И нас коль гении вдыхают *,
От сна с зарею возбуждают, —
Не стыдно ль негу обнимать?
Пойдем Сатурна побеждать! *

1804

Алексей Николаевич Оленин (1763—1843) — деятель русской культуры, друг Державина и иллюстратор (изограф) его сочинений.

Славный бритт... не снес...— Лондонская типография не выполнила заказа на перепечатку иллюстраций к стихам Державина и не вернула рисунка, изображавшего русского солдата при взятии Измаила.

Рáшкуль — угольный карандаш.

Гени и в ды х а ю т...— вдохновляют.

Сатúрна побеждать — «то есть побеждать время, забвение». (Объяснение Державина.) Бог древних римлян Сатурн, как и древнегреческий Крон, олицетворял собою течение времени.

ХОР БОГАТЫРЕЙ

из театрального представления «ДОБРЫНЯ»

Не сизы соколы по поднёбесью,
Не белы кречеты под облаки,
Богатыри слетались русские
Ко великому князю ко Владимиру,
Ко владыке всероссийскому,
Чтоб потешиться молодечеством,
Позабавить бы удалством его.
Что один из них всех проворнее,
Всех проворнее, всех могучее:
Где он ступит — тут земля дрожит,
Где рукой махнет — тут и улица.
Что возговорит богатырский круг:
Ты-то, братец, нам и надобен!

1804

НА БАГРАТИОНА

О, как велик На-поле-он!
Он хитр и быстр и тверд во брани;
Но дрогнул, как простер в бой длани
К нему с штыком Бог-рати-он.

1806

ЦЫГАНСКАЯ ПЛЯСКА

Возьми, египтянка *, гитару,
Ударь по струнам, восклицай;
Исполнишь сладострастна жару,
Твоей всех пляской восхищай.

Жги души, огонь бросай в сердца
От смуглого лица.

Неистово, роскошно чувство,
Нерв трепет, мление любви,
Волшебное зараз искусство
Вакханок * древних оживи.

Жги души, огонь бросай в сердца
От смуглого лица.

Как ночь — с ланит сверкай зарями,
Как вихорь — прах плащом сметай,
Как птица — подлетай крылами
И в длани с визгом ударяй.

Жги души, огонь бросай в сердца
От смуглого лица.

Под лесом ночью сосновым,
При блеске бледная луны,
Топоча по доскам гробовым,
Буди сон мертвой тишины.
Жги души, огонь бросай в сердца
От смуглого лица.

Да вопль твой эвоа! ужасный,
Вдали мешаясь с воем псов,
Льет повсюду гулы страшны,
А сладострастию любовь.
Жги души, огонь бросай в сердца
От смуглого лица.

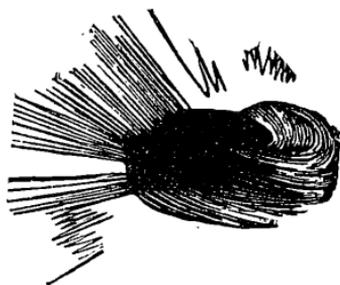
Нет, стой, прелестница! довольно,
Муз скромных больше не страши;
Но плавно, важно, благородно,
Как русская дева, пропляши.
Жги души, огонь бросай в сердца
И в нежного певца.

1805

Египтянка.— В России XVIII века цыган считали выходцами из Египта.

Вакханки— в Древней Греции исполнительницы песен и плясок на праздниках Вакха, веселого бога виноделов.

ОБЛАКО

Из тонкой влаги и паров
Исшед невидимо, сгущенно,
Помалу, тихо вознесенно
Лучом над высотой холмов,
Отливом света осветяся,
По бездне голубой носяся,
Гордится облако собой,
Блистая солнца красотой.

Или прозрачностью сквозясь
И в разны виды пременяясь,
Рубином, златом испещряясь
И багряницею стелясь,
Струясь, собираясь в сизы тучи
И вдруг сходясь в холм плавучий,
Застенивает солнца зрак;
Забыв свой долг и благодарность,
Его любезну светозарность
Сокрыв от всех, наводит мрак.

Или не долго временщик
На светлой высоте бывает,
Но, вздувшись туком*, исчезает
Скорей, чем сделался велик.
Под лучезнойной тяготою
Разорван молнии стрелою,
Обрушась, каплями падет,—
И уж его на небе нет!

Хотя ж он в чадах где своих,
Во мглах, в туманах возродится
И к выпренности вновь стремится,
Но редко достигает их:
Давленьем воздуха гнетомый
И влагой вниз своей влекомый,
На блаты, тундры опустясь,
Ложится в них,— и зрится грязь.

Не видим ли вельмож, царей
Живого здесь изображенья?
Одни — из праха, из презренья
Пренизких возводя людей
На степени первейших санов,
Творят богов в них, истуканов,
Им вверя власть и скипетр свой;
Не видя, их что ослепляют,
Любезной доброты лишают,
Темня своюю чернотой.

Другие — счастья быв рабы,
Его рукою вознесенны,
Сияньем ложным украшенны,
Страстей не выдержав борьбы,
И доблестей путь презря, правды,
Превесясь злом, как водопады
Падут стремглав на низ во мглах,—
Быв идолы — бывают прах.

Но добродетель красотой
Свою собственной сияет;
Пускай несчастье помрачает,
Светла она сама собой.
Как Антонины на престоле,
Так Эпиктеты и в неволе *
Почтенны суть красой их душ.

Пускай чей злобой блеск затмится,—
Но днесь иль завтра прояснится
Бессмертной правды солнца луч.

О вы, имеющие богов
В руках всю власть и всю возможность,
В себе же смертного ничтожность,
Ввергающую бедствий в ров!
Цари! От вас ваш трон зависит
Унизить злом, добром возвысить;
Имейте вокруг себя людей,
Незlobьем, мудростью младенцев;
Но бойтесь счастья возведенцев,
Ползущих пестрых вокруг вас змей.

И вы, наперсники царей,
Друзья, цветущи их красою,
Их пишуци жизнь, смерть рукою
Поверх земель, поверх морей!
Познайте: с вашим всем собором
Вы с тем равны лишь метеором,
Который блещет от зари;
А сами по себе — пары.

И ты, кто потерял красу
Наружну мрачной клеветою!
Зри мудрой, твердою душою:
Подобен мир сей колесу.
Се спица вниз и вверх вратится.
Се капля мглой иль тучей зрится,—
Так что ж, снедаешься тоской?
В кругу творений обращаясь,
Той вниз, другою вверх вздымаясь,—
Умей и в прахе быть златой.

1806

Тук — жир.

Римский император Марк Аврелий Антонин (121—180) слыл мудрым и добрым, а греческий философ Эпиктет, умерший в 138 году, был рабом римлян.

РАДУГА

Взглянь, Апеллес *, взглянь в небеса!
В сумрачном облике там,
Видишь, какая из лент полоса,
Огненна ткань блещет очам,
Склонясь над твоею главою
Дугою!

Пурпур, лазурь, злато, багрянец,
С зеленью тень, слиясь с серебром,
Чудный, отливный, блещущий глянец
Сыплют вокруг, тихим лучом
Зениц к утешенью сияют,
Пленяют!

Где красота, блеск разноцветных
Камней драгих, светлость порфир,
Прелести красок ярких, несметных,
Чем всегда славится мир,
Чем могут монархи хвалиться,
Светиться?

О, Апеллес! взявши орудье,
Кисти свои,— дерзкой рукой
С разных цветов вмиг полукружье
Сделай, составь твердой чертой,—
Составь — и зови зреть Афины
Картины.

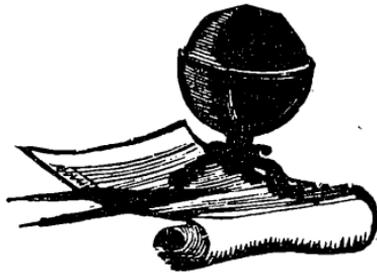
Нет, изограф! хоть превосходишь
Всех мастерством дивным твоим,
Вижу, что средств ты не находишь
С мастером в том спорить таким,
Чей взгляд всё один образует,
Рисует.

Только одно солнце лучами
В каплях дождя, в дол отразься,
Может писать сими цветами
В мраке и мгле, вечно светясь.
Умей подражать ты ему,
Лей свет в тьму.

1806

А п е л л е с — греческий художник IV века до н. э.

ЕВГЕНИЮ. ЖИЗНЬ ЗВАНСКАЯ

Блажен, кто менее зависит от людей,
Свободен от долгов и от хлопот приказных,
Не ищет при дворе ни злата, ни честей
И чужд сует разнообразных!

Зачем же в Петрополь на вольну ехать страсть,
С пространства в тесноту, с свободы за затворы,
Под бремя роскоши, богатств, сирен под власть
И пред вельможей пышны взоры?

Возможно ли сравнять что с вольностью златой,
С уединением и тишиной на Званке?
Довольство, здравие, согласие с женой,
Покой мне нужен — дней в останке.

Восстав от сна, взвожу на небо скромный взор;
Мой утреннует дух правителю вселенной;
Благодарю, что вновь чудес, красот позор
Открыл мне в жизни толь блаженной.

Пройдя минувшую и не нашедши в ней,
Чтоб черная змия мне сердце угрызала,
О! коль доволен я, оставил что людей
И честолюбия избег от жала!

Дыша невинностью, пью воздух, влагу рос,
Зрю на багрянец зарь, на солнце восходяще,
Ищу красивых мест между лилей и роз,
Средь сада храм жезлом чертяще.

Иль, накормя моих пшеницей голубей,
Смотрю над чашей вод, как вьют под небом кру́ги;
На разноперых птиц, поющих средь сетей,
На кроющих, как снегом, луги.

Пастушьего вблизи внимаю рога зов,
Вдали тетеревей глухое токованье,
Барашков в воздухе *, в кустах свист соловьев,
Рев крав, гром жолн * и коней ржанье.

На кровле ж зазвенит как ласточка, и пар
Повеет с дома мне манжурской иль левантской *,
Иду за круглый стол,— и тут-то раздобар *
О снах, молве градской, крестьянской;

О славных подвигах великих тех мужей,
Чьи в рамках по стенам золотых блистают лица
Для вспоминанья их деяний, славных дней,
И для прикрас моей светлицы,

В которой поутру иль ввечеру порой
Дивлюся в Вестнике *, в газетах иль журналах
Россиян храбрости, как всяк из них герой,
Где есть Суворов в генералах!

В которой к госпоже, для похвалы гостей,
Приносят разные полотна, сукна, ткани,
Узорны образцы салфеток, скатертей,
Ковров, и кружев, и вязани...

Оттуда прихожу в святилище я муз,
И с Флакком *, Пиндаром, богов восседши в пире,
К царям, к друзьям моим иль к небу возношусь,
Иль славлю сельску жизнь на лире.

Иль в зеркало времен *, качая головой,
На страсти, на дела зрю древних, новых веков,
Не видя ничего, кроме любви одной
К себе,— и драки человеков...

Дворовых между тем, крестьянских рой детей
Собираются ко мне не для какой науки,
А взять по несколько баранок, кренделей,
Чтобы во мне не зрели буки.

Письмоводитель мой тут должен на моих
Бумагах мараных, пастух как на овечках,
Репейник вычищать,— хоть мыслей нет больших,
Блестят и жўчки в епанечках *.

Бьет полдня час, рабы служить к столу бегут;
Идет за трапезу гостей хозяйка с хором.
Я озреваю стол — и вижу разных блюд
Цветник, поставленный узором.

Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь — икра, и с голубым пером
Там щука пестрая прекрасны!

Прекрасны потому, что взор манят мой, вкус;
Но не обилием иль чуждых стран приправой,
А что опрятно всё и представляет Русь:
Припас домашний, свежий, здоровый...

Тут кофе два глотка; схрапну минут пяток;
Там в шахматы, в шары иль из лука стрелами,
Пернатый к потолку лаптой мечу леток *
И тешусь разными играми...

Иль в стекла оптики * картинные места
Смотрю моих усадеб; на свитках грады, царства,
Моря, леса,— лежит вся мира красота
В глазах, искусств через коварства.

Иль в мрачном фонаре * люблюсь, звезды зря,
Бегущи в тишине по синю волн стремленью:
Так солнцы в воздухе, я мню, текут горя
Премудрости ко прославленью.

Иль смотрим, как вода с плотины с ревом льет
И, движа машину, древа на доски делит;
Как сквозь чугунных пар столпов на воздух бьет,
Клокоча огонь, толчет и мелет.

Иль любопытны как бумажны руны волн
В лотки сквозь игл, колес, подобно снегу, льются
В пушистых локонах, и тьмы вдруг веретен
Мариной рукой прядутся.

Иль как на лен, на шелк цвет, пестрота и лоск,
Все прелести, красы берутся с поль царицы *;
Сталь жесткая, глядим, как мягкий, алый воск,
Куется в бердыши милицы *.

И сельски ратники как, царства став щитом,
Бегут с стремленьем в строй во рыцарском убранстве,
«За веру, за царя мы,— говорят,— помрем,
Чем у французов быть в поддánстве».

Иль в лодке вдоль реки, по берегу пеш, верхом,
Качусь на дрожках я соседей с вереницей;
То рыбу ўдами, то дичь громим свинцом,
То зайцев ловим псов станицей.

Иль стоя внемлем шум зеленых, черных волн,
Как дерн бугрит соха, злак трав падет косами,
Серпами злато нив,— и, ароматов полн,
Порхает ветер меж нимф рядами.

Иль смотрим, как бежит под черной тучей тень
По копнам, по снопам, коврам желто-зеленым
И сходит солнышко на нижнюю степень
К холмам и рощам сине-темным.

Иль, утомясь, идем скирдов, дубов под сень;
На бреге Волхова разводим огонь дымистый;
Глядим, как на воду ложится красный день,
И пьем под небом чай душистый.

Забавно! в тьме челнов с сетью как рыбаки,
Ленивым строем пльв, страшат тварь влаги стуком *;
Как парусы суда и лямкой бурлаки
Влекут одним под песнью духом.

Прекрасно! тихие, отлогие берега
И редки холмики, селений мелких полны,
Как, полосаты их клоня поля, луга,
Стоят над током струй безмолвны.

Приятно! как вдали сверкает луч с косы
И эхо за лесом под мглой гамит * народа,
Жнецов поющих, жниц полк идет с полосы,
Когда мы едем из похода.

Стекл заревом горит мой храмовидный дом *,
На гору желтый всход меж роз осиявая,
Где встречу водомет шумит лучей дождем,
Звучит музыка духовая.

Из жерл чугунных гром по праздникам ревет;
Под звездной молнией, под светлыми древами
Толпа крестьян, их жен вино и пиво пьет,
Поет и пляшет под гудками *.

Но скучит как сия забава сельска нам,
Внутри дома тешимся столиц увеселеньем;
Велим талантами родных своих детям
Блестать: музыкой, пляской, пеньем.

Амурчиков, харит плетень, иль хоровод,
Заняв у Талии игру и Терпсихоры *,
Цветочные венки пастух пастушке вьет,
А мы на них и пялим взоры.

Там с арфы звучныя порывный в души гром,
Здесь *тихогрома* * с струн смягченны, плавны тоны
Бегут,— и в естестве согласия во всем
Дают нам чувствовать законы.

Но нет как праздника, и в будни я один,
На возвышении сидя столпов перильных,
При гусях под вечер, челом моих седин
Склонясь, ношусь в мечтах умильных;

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Мимолетащи суть все времени мечтаны:
Проходят годы, дни, рев морь и бурей шум,
И всех зефиров повеваны...

Так самых светлых звезд блеск меркнет от ношей.
Что жизнь ничтожная? Моя скудельна * лира!
Увы! и даже прах спашнет * моих костей
Сатурн крылами с тленна мира.

Разрушится сей дом, засохнет бор и сад,
Не вспомянется нигде и имя Званки;
Но сов, сычей из дулл огне-зеленый взгляд
И разве дым сверкнет с землянки.

Иль нет, Евгений! ты, быв некогда моих
Свидетель песен здесь, взойдешь на холм тот страшный,
Который тощих недр и сводов внутрь своих
Вождя, волхва, гроб кроет мрачный *,

От коего, как гром катается над ним,
С булатных ржавых врат и сбруи медной гулы
Так слышны под землей, как грохотом глухим,
В лесах трясясь, звучат стрел тулы.

Так, разве ты, отец! святым своим жезлом,
Ударив об доски, заросши мхом, железны,
И свитых вокруг моей могилы змей гнездом
Прогонишь — бледну зависть — в бездны.

Не зря на колесо веселых, мрачных дней,
На возвышение, на пониженье счастья,
Единой правдою меня в умах людей
Через Клии воскресишь согласи *.

Так, в мраке вечности она своей трубой
Удобна лишь явить то место, где отзвывы
От лиры моя шумящею рекой
Неслись чрез холмы, доли, нивы.

Ты слышал их, и ты, будя твоим пером
Потомков ото сна, близ севера столицы,
Шепнешь в слух страннику, вдали как тихий гром:
«Здесь бога жил певец, — Фелицы».

Май — июль 1807

Стихотворение посвящено епископу Евгению Болховитинову, историку, археологу и историку литературы, который в это время жил в Хутынском монастыре в 60-ти верстах от имени Державина Званки и был другом поэта в последние годы его жизни.

Барáшков в воздухе... — Барашки — народное прозвище бекасов.

Рев крав, гром жолн... — рев коров, стук дятлов.

Повеет с дома мне манжурской иль левантской... — повеет запахом чая или кофе.

Раздобáр — болтовня.

Вéстник — журнал «Вестник Европы».

Флакк — древнеримский поэт Гораций.

Зеркало времен — история.

Блестят и жúчки в епанéчках... — то есть «посредственные мысли, хорошо сказанные, чистым слогом, делают красоту сочинения». (Объяснение Державина.)

Пернатый летóк — игра в волан.

Стéкла оптики — имеется в виду разновидность волшебного фонаря.

Мрачный фонарь — камера-обскура, в которой «супротивные натуральные предметы представляются в малом виде весьма живо...». (Объяснение Державина.)

Все прелести, красы берутся с поль царьцы... — «То есть красильня, где красят шелк, шерсть, лен и бумагу травяными красками, собирая оные с царьцы полей, то есть Флоры». (Объяснение Державина.)

Милицы — то есть милиции, ополчения, которое набиралось преимущественно из крестьян по случаю войны с Францией.

Страшат тварь влаги стуком... — «Рыбная ловля, называемая колотом»: в реку опускают сети с нескольких десятков лодок, поднимают сильный стук, «от чего рыба мечется как бешеная в реке и попадает в сетки». (Объяснение Державина.)

Г а м и т — шумит.

Х р а м о в и д н ы й д о м.— «Дом автора был с куполом и с колоннами и немного похожий на храмик». (Объяснение Державина.)

Г у д о к — старинный русский музыкальный инструмент, похожий на скрипку.

Т а л и я, Т е р п с и х о р а — музы, покровительницы комедии и танцев в древнегреческой мифологии.

Т и х о г р о б — фортепьяно.

С к у д е л ь н ы й — глиняный, в переносном смысле — бранный, непрочный.

С п а х н у т ь — развеять, смести, смахнуть.

В о ж д я, в о л х в а, г р о б к р о е т м р а ч н ы й...— Согласно легенде, один из новгородских вождей был волхв (колдун), от которого и получила свое название река Волхов. Этот волхв якобы был похоронен под холмом у дома Державина.

Ч р е з К л и и в о с к р е с и ш ь с о г л а с ь я.— Державин имеет в виду свою биографию, которую в 1806 г. опубликовал Болховитинов; К л и о — муза истории в древнегреческой мифологии.

АТАМАНУ И ВОЙСКУ ДОНСКОМУ

Платов! Европе уж известно,
Что сил Донских ты страшный вождь.
Врасплох, как бы колдун, всеместно
Падешь как снег ты с туч иль дождь.
По черных воронов полету,
По дыму, гулу, мхам, звездám,
По рыску волчью видя мету,
Подходишь к вражьи́м вдруг носам;
И, зря на туск, на блеск червонца,
По солнцу иль протíву солнца,
Свой учреждаешь ертаул*
И тайный ставишь караул.

В траве идешь — с травою равен;
В лесу — и равен лес с главой;
На конь вскакнешь — конь тих, не нравен,
Но вихрем мчится под тобой.
По камню ль черну змеем черным
Ползешь ты в ночь — и следу нет.
По влаге ль белой гусем белым
Плывешь ты в день — лишь струйка след...

1807

Ертаул — «у них называется отводный караул, из часового состоящий, который как завидит неприятеля вдали, то вертится на лошади по солнцу или против солнца, давая через то знать, далеко ли или близко неприятель, во многом ли или малом числе». (*Объяснение Державина.*)

ПОХВАЛА КОМАРУ

Пиндар воспевал орла,
Митрофанов — соколá,
А Гомер, хоть для игрушек,
Прославлял в грязи лягушек,
Попе — женских клок волос,
И Вольтер, я мню, в издевку
Величал простую девку,
Ломоносов — честь усов,
Я, в деревне, для забавы,
В подражание их славы,
Проворчу тара-бара.
Стройся, лира восхищенна,
Слышь Вергилья вновь, вселенна:
Я пою днесь Комара!

Блаты, лес, луга, моря,
Комаров летящих зря,
Как гудят повсюду гулом,
Иль как стрел с гремящим тулом
Марс несется на войну, —
Так с комарьей похвалою
На Пегасе вскачь трубою
Я колеблю тишину.

Стихотворцы! став парадом,
С лирами, с свирельми, рядом,
Честь воздайте Комару
И согласным восклицаньем,
Звоном, грохотом, бряцаньем,
В бубны бейте: туру-ру.

Мгла упала тлена с глаз:
Мне предстал Микромегас *,
Головой небес касаясь,
Через море нагибаясь,
Как чрез чашу молока,
И ужасною рукою
Ловит, горстию одною,
Корабли сквозь облака.
Так с метлою я гайдúка,
Великанов древних внука,
Комаров от барских яств
Прочь гонящего, взираю;
Я с гигантом рок равняю,
С комарами — силы царств.

Глас народа мне вещал:
С дуба-де комар упал *.
Се по лесу звук раздался,
Холм и дол восколебался,
Океан встал из берегов.
Не на быль ли баснь похожа,
Что упал какой вельможа
Из высоких из чинов?
Встав из дрязгу теплым летом,
Под блестящим солнца светом,
Счастья плыл он на крылах.
Комара, мудрец, паденьем
Возгреми нравоученьем:
Суета, скажи, всё — ах!

Мужик корень вырвет дров;
Комары, оттоль взлетев,
Его роем окружают,
Жалят всюду и пронзают:
Не подобным ли война
Из бездн ада Люцифером*
Излетела нам примером?
Небо ей, земля полна:
Ей Гомеры и Мароны
Воздавали честь, Мильтоны
Чтили брань в людях, в духах.
Для чего ж полки комарны,
Буйством столь высокопарны,
Не воспеть мне на стихах?..

Ах, на то ли мир создán,
Чтоб был жертва и тиран?
Вижу, в пышной колеснице,
Уподобяся деннице,
Выезжает исполин!
Перстом делит он Европу,
Угрожает ефиопу*,
Над ягненком зев там львин
Уж разверст, его хватает,
Но Комар как вихрь влетает
Алчущих тиранов в нос;
Они чхают, упадают,
Жертв в покое оставляют.
Философам тут вопрос:

Силен ли над нами рок?
Комар агнца, мир сберег.
Есть ли звезд определенье?
Есть ли вышнее правленье?
О, велик и ты, Комар!

Общей цепи всех твореньев
Не последний ты из звеньев.
Не напрасно ль я мой дар
В похвалу одних великих,
Блеском тщетным отменитых,
Приносил всегда людей?
Между звезд и преисподней
Кто суть пользой благородней?
Дайте, дайте мне судей.

Но найду ль я мыслей, слов,
Чтоб прославить комаров?
Слабы струны моей лиры.
Окружает и порфиры
Рой их, трон и алтари;
И наушников бояться,
Над зоилом * издеваться
Брать их могут в цель цари,
А геройства звуку, грому,
Славы тщетныя содому
Точный образ есть Комар:
Зефир по́рхнет — к небу вьется,
Борей дунет — и свернется:
Он чудовище и пар.

В микроскопе он, поверь,
На ходулях дивный зверь;
Хоботом — слону подобен;
По крылам — дракон всем злобен;
О шести ногах кулик;
Тош и мал, а льва тревожит;
В конях, в тиграх ярость множит,
Буйвол им ревет и бык,
А Цербёр с досады воет,
Что, кусая, беспокоит
Столь его живая грязь;

Он по лёту — дух небесный!
Алчбой крови — вождь известный,
По усам — ордынский князь.

Больше ты, Комар, во всем
Схож с военным кораблем:
Ты на парусах летаешь,
Страшны громы испускаешь,
Жжешь свирепо и язвишь;
Ты снабжен кормой и носом
И с предлинным тож насосом
Часто на мелях сидишь,
Грязнув в патоке, в сметане.
И на зимнем твоём стане
Замерзаешь тож, как он;
А тепло лишь дхнет весною,
Ты попуткою порою
Сам средь моря фараон!

Но большую коль с меньшей
Сравним вещь между собой,
То поэзии пареньем
Нам нельзя ль воображеньем
Комаров равнять душам,
Кои в вечности витают,
Мириадами летают
По полям и по лесам;
В плоти светлой и прозрачной
Воспевая век свой злачный,
Не кусают, — нет там жал.
О! когда бы я, в восторге
Песни в райском пев чертоге,
Комаром небесным стал!
Здесь же в мире что любя,
Прославляя я столь тебя,

То прошу меня послушать
И живьем меня не кушать,
Не лезть в очи, не дуть в слух;
Здесь жилище не небесно,
Часто тварям в оном тесно,—
Мы поссоримся, мой друг.
Там духов одна порода,
Братство, равенство, свобода;
Пифагорцы можем быть,
Ввек ничем не разделяться,
Друг все другом насыщаться,
Царь и раб друзьями жить.

О Комар! колико свойств,
Разных доблестей, геройств
Тебя в свете отличают!
Все народы величают
Во свою тебя чреду.
Ты лесник, травник и тундрик,
Пикинер *, трубач, цирюльник,
Мастер петь, пускать руду *.
Сколь мужей было великих
Между нас и между диких!
Всех была, прошла пора;
Но тебя не позабудут:
Мои песни вечно будут
Эхом звучным Комара.

1807

Микромегас — в повести Вольтёра великан с далекой звезды.
Глас народа мне вещал... — народная шуточная песня:
«Стукнуло, грянуло в лесе, комар с дуба свалился...»

Люцифёр — дьявол.

Перстом делит он Европу... — намек на Наполеона.

Зойл — завистливый, безосновательно придирчивый человек;
имя древнегреческого ученого Зоила, известного несправедливой кри-
тикой творений Гомера, стало в России нарицательным.

Пикинер — кавалерист, вооруженный пикой, копьем.

Рудá — здесь: кровь.

ПРИЗНАНИЕ

Не умел я притворяться,
На святого походить,
Важным саном надуваться
И философа брать вид;
Я любил чистосердечье,
Думал нравиться лишь им,
Ум и сердце человечье
Были гением моим.
Если я блистал восторгом,
С струн моих огонь летел,—
Не собой блистал я — богом,
Вне себя я бога пел.
Если звуки посвящались
Лиры моя царям,—
Добродетельми казались
Мне они равны богам.
Если на победы громки
Я венцы сплетал вождям,—
Думал перелить в потомки
Души их и их детям.

Если где вельможам властным
Смел я правду брякнуть вслух, —
Мнил быть сердцем беспристрастным
Им, царю, отчизне друг.
Если ж я и суетою
Сам был света обольщен, —
Признаюся, красотою
Быв плененным, пел и жен.
Словом, жег любви коль пламень,
Падал я, вставал в мой век.
Брось, мудрец, на гроб мой камень,
Если ты не человек.

1807

ПРИВРАТНИКУ

Один есть бог, один Державин,—
Я в глупой гордости мечтал,—
Одна мне рифма — древний Навин *,
Что солнца бег останавлиал.
Теперь другой Державин * зрится,
И рифма та ж к нему годится.
Но тот Державин — поп, не я:
На мне парик, на нем скуфья.

И так, чтоб врат моих пристáву
В Державиных различье знать,
Пакетов, чести по уставу,
Чужих мне в дом не принимать,
Не брать от и м р е к о в пасквилей,
Цидул, листов, не быть впредь филей,
Даю сей вратнику приказ,—
Не выпускать его из глаз.

На имя кто б мое пакеты
Какие, письма ни принес,—
Вопросы должен на ответы
Тотчас он дать: бумаг тех вес;

Сказать, отколь, к кому писанья?
И те все произнесть признанья
Свободным без запинок ртом;
Подметны сплетни жги огнем.

А чтоб Державина со мною
Другого различал ты сам,
Вот знак: тот млад, но с бороною,
Я стар,— юн духом по грехам.
Он в рясе длинной и широкой;
Мой фрак кургуз и полубокой.
Он в волосах; я гол главою;
Я подлинник,— он список мой.

Он пел молебны, панихиды
И их поныне всё поет;
Слуга был Марса я, Фемиды *,
А ныне — отставной поэт.
Он пастырь чад, отец духовный,
А я правитель был народный.
Он обер-поп, я ктитор * муз,
И днесь пресвитер * их зовусь.

Кропит водой, курит кадилом,
Он тянет руку дам к устам;
За честь я чту тянуться рылом
И целовать их ручки сам.
Он молит небеса о мире;
Героев славлю я на лире.
Он тайны сердца исповесть;
Скрывать я шашни чту за честь.

Различен также и делами:
Он ест кутью, а я — салму*,
Он громок многими псалмами,
Я в день шепчу по одному.

Державин род с потопа влекся;
Он в семинарьи им нарекся
Лишь сходством рифм моих и стоп.
Мой дед мурза, его дед поп.

И, словом: он со мной не сходен
Ни видом, ростом, ни лицом;
Душой, быть может, благороден,
Но гербом — не Державин он!
В моем звезда рукой держима,
А им клюка иль трость носима.
Он может четки взнестъ в печать,
Я лирою златой блистать.

А потому почталионов,
Его носящих письма мне,
Отправя множеством поклонов,
Ни средь обедов, ни во сне
Не рушь ты моего покою;
Но позлащенной булавою
С двора их с честью провожай;
Державу с митрой различай *.

1808

Нáвин, по древним легендам, остановил на время движение солнца.

Другой Державин — сосед Державина, обер-священник И. С. Державин; сочинил в адрес поэта пасквильное послание.

Фемíда — богиня правосудия.

Ктíтор — церковный чин.

Пресвítер — старший священнослужитель; здесь: жрец.

Кутья́ — подслащенная ячменная каша, по традициям церкви — пища для присутствующих на обряде похорон; от этого слова образовано и прозвище церковников — кутейники.

Салмá — татарское кушанье. Державин считал, что его род ведется от татарского мурзы Багрíма.

Держáва — символ царской власти: золотой шар с крестом наверху.

Мítра — головной убор высшего духовенства, который надевается во время торжественных богослужений.

АСПАЗИИ

Блещет Аттика * женами,
Всех Аспазия * милей:
Черными очей огнями,
Грудью пенною своей
Удивляючи Афины,
Превосходит всех собой;
Взоры орли, души львины
Жжет, как солнце, красотой.

Рёзвятся вокруг утехи,
Улыбается любовь,
Неги, радости и смехи
Плетеницы из цветов
На героев налагают
И влекут сердца к ней в плен;
Мудрецы по ней вздыхают,
И Перикл * в нее влюблен.

Угождают ей науки,
Дань художества дают,
Музыкайски сладки звуки *
В взгляды томность ей лиют.

Она чувствует, вздыхает,
Нежная видна душа,
И сама того не знает,
Чем всех больше хороша.

Зависть с злобой, содружася,
Смотрят косо на нее,
С черной клеветой свияся,
Уподобяся змее,
Тонкие кидают жалы
И винят в хуле богов;
Уж Перикла силы малы
Быть щитом ей от врагов.

Уж ведется всенародно
Пред судей она на суд,
Злы молвы о ней свободно
Уж не шепчут — вопиют;
Уж собранье заседало,
Уж архонты * все в очках;
Но сняла лишь покрывало —
Пал пред ней Ареопаг! *

1809

Аттика — в древности область в Средней Греции с главным городом Афины.

Аспазия — жена правителя Афинской республики Перикла.

Музейские звуки. — Музей (мусион) — в Древней Греции так называли не только мозаику, но и вообще искусство.

Архонты — судьи в Афинах, члены ареопага — высшего органа республики.

ЦАРЬ - ДЕВИЦА

Царь жила-была девица,—
Шепчет русска старина,—
Будто солнце светлолица,
Будто тихая весна.

Очи светлы голубые,
Брови черные дугой,
Огнь — уста, волосы — золотые,
Грудь — как лебедь белизной.

В жилках рук ее пуховых,
Как эфир, струилась кровь;
Между роз, зубов перловых,
Усмехалась любовь.

Родилась она в сорочке
Самой счастливой порой,
Ни в полудни, ни в полночке,—
Алой утренней зарей.

Кочет хлопал на нашесте
Крыльями, крича сто раз:
«Северной звезды на свете
Нет прекрасней, как у нас»...

ГИМН ЛИРО-ЭПИЧЕСКИЙ НА ПРОГНАНИЕ ФРАНЦУЗОВ ИЗ ОТЕЧЕСТВА

...Муза! тайственный глагол
Оставь и возгреми трубою,
Как твердой грудью и душою
Росс ополчась на галла шел;
Как Запад с Севером сражался,
И гром о громы ударялся,
И молнии с молниями секлись,
И небо и земля тряслись
На Бородинском поле страшном,
На Малоярославском, Красном.

Там штык с штыком, рой с роем пуль,
Ядро с ядром и бомба с бомбой,
Жужжа, свища, сшибались с злобой,
И меч, о меч звуча, слал гул;
Там всадники, как вихри бурны,
Темнили пылью свод лазурный;
Там бледна смерть с косою в руках,
Скрежещуща, в единый мах
Полки, как класы, посекала
И трупы по полям бросала...

Какая честь из рода в род
России, слава незабвенна,
Что ей избавлена вселенна
От новых Тамерлана орд!
Цари Европы и народы!
Как бурны вы стремились воды,
Чтоб поглотить край росса весь;
Но, буйные! где сами днесь?..

О росс! о добльственный народ,
Единственный, великодушный,
Великий, сильный, славой звучный,
Изящностью своих доброт!
По мышцам ты неутомимый,
По духу ты непобедимый,
По сердцу прост, по чувству добр,
Ты в счастье тих, в несчастье бодр.

1812

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Орешин К. Державин и его время	3
Ключ * ¹	14
К портрету Михаила Васильевича Ломоносова	16
Князю Кантемиру, сочинителю сатир	17
На модное остроумие 1780 года	18
К первому соседу	19
Властителям и судиям	22
Фелица *	24
Видение мурзы	29
Осень во время осады Очакова *	35
Заздравный орел	37
На взятие Измаила *	39
Водопад *	42
Ко второму соседу	49
Скромность	52
Ласточка	53
Амур и Псишея	55
Вельможа	57
К Анжелике Кауфман	65
Соловей	67
Памятник	70
Приглашение к обеду	71
Богине здравия	74
Купидон	75
Рождение Красоты	77
Сафо	80
К музе	81
Возвращение Весны	83
Дар	85
Желание	86
Параше	87
Портрет Варюши	88
Геркулес	89
Русские девушки	91
На переход Альпийских гор	93
На смерть Суворова	96
«Враги нам лучшие друзья...»	97
Кузнечик	98
Шуточное желание	100

¹ Стихотворения, отмеченные звездочкой, даны в сокращении.

Любушке	101
Свобода	103
Оленину	105
Хор богатырей	108
На Багратиона	109
Цыганская пляска	110
Облако	112
Радуга *	115
Евгению. Жизнь Званская *	117
Атаману и войску Донскому *	126
Похвала Комару *	127
Признание	133
Привратнику	135
Аспазии	138
Царь-девица *	140
Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества *	141

ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Гаврила Романович Державин

ВОДОПАД

Избранные стихотворения

Ответственный редактор *Н. В. Белякова*. Художественный редактор *А. В. Пащина*. Технический редактор *Н. Г. Мохова*. Корректоры *Л. А. Рогова* и *Н. А. Сафронова*.

Подписано к печати с готовых матриц 25/IV 1977 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. типогр. № 1. Печ. л. 4,5. Усл. печ. л. 7,56. Уч.-изд. л. 5,61. Доп. тираж 300 000 экз. Заказ № 288. Цена 29 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглаволиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, Москва, Сущевский вал, 49.

Цена 29 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“